

Лора Бекитт

Неподкупная любовь

Лора Бекитт

Неподкупная любовь

«Литнет»

2025

Бекитт Л.

Неподкупная любовь / Л. Бекитт — «Литнет», 2025

Турция, начало 19 века. Страну сотрясают распри борющихся за власть султанов, отчего страдают верноподданные правителей. Брат и сестра Айнур и Айше едва не лишились имущества и крова из-за того, что их отец попал в опалу, и вынуждены зависеть от человека, которого им завещано ненавидеть. В гареме богатого горожанина Ахмеда эфенди четыре наложницы различного происхождения и национальности. Не все они довольны беззаботной жизнью, особенно после того, как среди них очутилась дикарка, степнячка Ханар, чья жажда свободы неистребима, чью любовь невозможно купить. Причудливое переплетение судеб героев, препятствия влюбленным сердцам, дерзкие побеги из застенков, прекрасные пейзажи Турции, Грузии и Армении, обычаи и культура их народов в новом приключенческом романе Лоры Бекитт.

© Бекитт Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	21
Глава седьмая	24
Глава восьмая	27
Глава девятая	31
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	39
Глава двенадцатая	42
Глава тринадцатая	46
Глава четырнадцатая	48
Глава пятнадцатая	53
Глава шестнадцатая	56
Глава семнадцатая	60
Глава восемнадцатая	63
Глава девятнадцатая	66
Глава двадцатая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава первая

На Стамбул опустилась ночь, скрыв легкие силуэты высоких минаретов и тяжелые — округлых куполов, взбегавшие вверх и сходявшие вниз по склонам холмов узкие переулки, лазурно-зеркальные воды Босфора и его живописные зеленые берега. На фоне мрака, будто женские глаза из-под покрывала, сверкали несметные огни: на буюх, мачтах кораблей, в сералях знати и лачугах бедноты.

Парадную комнату одного из конаков[1] освещала небольшая лампа. Жалюзи на окнах были предусмотрительно приспущены. Прежде здесь стояли длинные, низкие, покрытые коврами диваны с разбросанными по ним шелковыми подушками, этажерки из расписного дерева, резные столики. Сейчас в комнате осталось мало мебели, а стенные ниши для хранения вещей большей частью опустели.

На полу сидели юноша и девушка. Они походили друг на друга темными, блестящими, как агаты, глазами, матовой кожей, тонкими чертами лица. Глядя на девушку, юноша испытывал невольную грусть. Прежде в ее косы были вплетены атласные ленты, а на кончиках позванивали золотые монетки. Ворот муслиновой рубашки украшали крохотные зеркала, а вуаль походила на облако. Кафтан был таким ярким, что казался усыпанным живыми цветами. Талию обвивал серебряный пояс, широкие шальвары розового шелка были расшиты бисером.

Теперь она одевалась в черное, будто старуха или вдова. Украшения исчезли. В ее прекрасных глазах застыли слезы, а лицо выражало тревогу.

— Я получил бумаги, Айше, — тяжело произнес молодой человек. — Как я и предполагал, помимо конфискации нас ждет еще и ссылка.

— Все так плохо, Айнур?

— Боюсь, что да. Хотя это не самое худшее. Мы останемся на свободе, а могли бы попасть в Едикуле.

Айше вздрогнула. Едикуле — Семибашенный замок — считалась одной из самых страшных турецких тюрем. В ее мрачных камерах погибло немало неугодных султанам лиц, а одна из башен служила местом пыток и казней, после которых головы преступников бросали в колодец, прозванный в народе колодцем крови.

Айнур и Айше были двойняшками, детьми Юсуфа Хамида эфенди[2], сановника, казненного после свержения султана Селима III[3], которое произошло во время бунта янычар[4]. Потеряв отца, они лишились имущества и возможности жить в родном городе. От смерти их, вероятно, спасла молодость: никто не считал, что они могут представлять какую-либо опасность для новой власти. Достаточно было отослать их подальше.

— А дом?

— Дом тоже отберут. Самое главное, теперь я не смогу занять никакой более-менее доходной должности, — произнес юноша.

— Нам никто не поможет?

Айнур покачал головой. Узнав, что Юсуф Хамид эфенди угодил в опалу, все окружающие в страхе отвернулись от его детей.

Айше опустила голову. Значит, они с Айнуром остались совсем одни! Матери у них не было, она умерла, производя их на свет, и верный родительскому долгу и памяти о любимой супруге отец больше не женился (довольствуясь наложницами, которые после его смерти разошлись по своим родственникам) и не завел других детей.

Айше и Айнур были очень дружны. В детстве они вместе играли, никогда не ссорились и даже покрывали друг друга перед отцом. Подумав об этом, сестра ответила брату:

— Все-таки нас двое. Ты и я. Вместе мы как-нибудь справимся.

Зная, что мужчине не к лицу проявлять слабость, юноша кивнул.

— Конечно.

Айше пришла в голову мысль о вышивании. В ее руках игла была настоящим орудием фантазии. Девушка умела вышивать и золотыми, и серебряными, и цветными нитями, выполняя самые разные орнаменты. Однажды она подарила отцу чехол для Корана столь изумительной работы, что Юсуф Хамид эфенди даже прослезился. К великому сожалению, эта священная книга в прекрасном сафьяновом переплете исчезла из дома во время обыска и конфискации имущества. Хотя Айше обучалась любимому ремеслу с детства, прежде она никогда не думала, что это станет чем-то большим, чем домашним занятием, забавой для души.

— Я могу выполнять заказы. Полагаю, этим можно неплохо заработать!

Айнур помрачнел еще больше.

— Ты слишком молода, чтобы ходить по чужим домам!

— Но это будут приличные дома.

— Боюсь, в такие нас больше не пустят, — заметил Айнур, а потом у него вырвалось: — И это несправедливо, поскольку мы остаемся теми, кем были!

Эта мысль поразила юношу. Да, у них с сестрой отняли отца, состояние, дом, они лишились поддержки родственников, но достоинство, нрав, воспитание, душа и сердце остались при них. Айше права: они все выдержат. Именно он, Айнур, должен поддержать сестру, сделать так, чтобы ей не пришлось работать, чтобы она могла выйти замуж за порядочного человека.

Юноша вспомнил, как она встретила весть о смерти отца. Айше не рухнула на землю, не забилась в рыданиях, не стала рвать на себе волосы. Она просто застыла со сложенными на коленях руками, окаменевшим лицом и устремленным в пустоту взглядом. Казалось, ее слезы высохли разом и на всю жизнь. Это было страшное зрелище, и в тот миг Айнур поклялся сделать все для того, чтобы в жизни сестры больше не было таких потрясений.

Он сокрушался, размышляя о том, каким же был глупым, когда думал, что все вокруг неизменно, упорядоченно и прочно, что его жизнь расписана на годы вперед! Юсуф Хамид эфенди непременно пристроил бы сына на дворцовую службу, как делали это все отцы для своих сыновей, а дочь выдал бы замуж за достойного человека.

Между тем когда искусственно созданный, существующий за счет щедрот султана мирок внезапно рухнул, на его руины тотчас пришли другие люди и принялись строить что-то новое, не оглядываясь на то, что было прежде. Вероятно, придется пересматривать свою жизнь, а ведь она только-только началась! Придется находить дорогу на ощупь, без посторонней помощи и подсказки.

— Я сварю кофе, — сказала Айше.

Обычно этим занимались слуги, но в преддверии грядущих событий они были распущены с полной выплатой жалованья, хотя Айнур мог бы сослаться на свое разорение.

— Но ведь уже почти ночь.

— Я все равно не засну.

— Я тоже. Свари, — решил Айнур.

Юноша следил за тем, как изящные ручки Айше перемалывают зерна в медной мельнице до тонкой, как мука, пыли. В ее движениях было что-то на удивление успокаивающее, мирное. Как и все турчанки, Айше заваривала очень крепкий кофе: три ложки на маленькую фарфоровую чашечку. Айнуру нравился напиток, который готовила сестра: ароматный, вкусный, с обильной пенкой.

Айше принесла медовую пахлаву с фисташковыми зернами, рахат-лукум и халву. Усевшись рядом, брат и сестра принялись смаковать кофе, по обычаю запивая его холодной водой.

— Отец говорил, султан Селим был хорошим человеком? — спросила Айше.

— Он оценивал его не как человека, а как государственного деятеля. Сокрушался, что тот появился на свет слишком рано. Мало кто был готов к тому, что он собирался совершить.

— Если бы нас кто-то подслушал, мы бы простились с жизнью? — тихо промолвила девушка.

Айнур горько усмехнулся.

— Пожалуй. Только не в Едикуле. Это тюрьма для знатных людей, а кто теперь мы? Нас бы казнили в каком-нибудь укромном месте, а трупы бросили на растерзание собакам!

Губы Айше побелели. Несколько минут брат и сестра сидели молча, потом девушка спросила:

— Сейчас султан Селим в заточении. Есть ли надежда на его освобождение?

Айнур долго молчал, а потом тяжело произнес:

— На все воля Аллаха!

Новому повелителю, Мустафе IV[5], было двадцать восемь лет, и он еще ничем себя не проявил. Если свергнутого султана упрекали и в пристрастии к вину, и в потворстве иностранным обычаям, и в бездетности, то о новом нельзя было сказать ни хорошего, ни плохого. Пока что он всего лишь пытался угодить мятежникам и никак не сдерживал разгул реакции. На Этмейдан, Мясную площадь, где раздавались пайки янычарам и находились их казармы, продолжали сносить головы схваченных и казненных сторонников Селима III.

Разъяренные солдаты рыскали повсюду, поэтому Айнур не удивился, услышав на улице крики и звон металла. Опасаясь прежде всего за жизнь сестры, он быстро погасил лампу. Пусть думают, что дом заперт и пуст!

Они с Айше замерли, взявшись за руки и слушая, как бьются встревоженные сердца. Однако, по-видимому, янычары не собирались врываться в их жилище, а расправлялись с кем-то другим. Вскоре все стихло, а после раздался стон, потом еще один. Похоже, раненый лежал почти у самых ворот их дома. Подняв жалюзи, Айнур выглянул в окно, но ничего не увидел. Тогда он решил выйти на улицу. Айше в ужасе вцепилась в его рукав.

— Не ходи!

— Это наверняка кто-то из сторонников султана Селима. А если ему нужна помощь?

Девушка ахнула. Их жизни без того висели на волоске; что будет, если они с братом укроют еще одного из угодивших в опалу! Когда она вновь попыталась что-то сказать, Айнур ответил:

— Во имя памяти нашего отца!

Он сжал кулаки, и его глаза сверкнули. Айше отступила.

Айнур отворил ворота. По небу рассыпались бесчисленные звезды, но они почти не освещали землю. Однако неподалеку валялся брошенный кем-то фонарь. Согласно изданного султаном закона, по ночным улицам имел право передвигаться лишь тот, кто сам освещал себе путь. Подняв фонарь, юноша увидел нечто ужасное. Недаром говорится, что днем миром правит слово Пророка, а по ночам в нем властвуют демоны!

Политая кровью мостовая блестела, как масло, и на ней лежали неподвижные тела. Перебив себя, Айнур принялся осматривать их, надеясь найти живых. Ему удалось обнаружить лишь одного — вероятно, того, чей стон он услышал. Айнур втащил раненого в дом и уложил на пол, не заботясь о ковре. Бледное, напряженное лицо Айше было искажено страхом, но она все же спросила:

— Что нужно делать?

— Для начала принеси воды и тряпок.

И Айнур, и Айше понимали: врача, хакима, позвать нельзя, придется справляться самим. Вид крови испугал девушку, но она держалась мужественно. Вдвоем с братом они разрезали одежду мужчины, потом Айше зашила самые глубокие раны шелковыми нитями, а на другие наложила повязки с лечебными мазями и травами.

Конечно, Айнур ни в коем случае не должен был позволять незамужней сестре прикасаться к телу постороннего мужчины, но у них не было другого выхода. Если б они промедлили, это могло иметь непредсказуемые последствия.

У раненого были мутные, затуманенные глаза и обмякшее, безвольное тело. Иногда, словно пытаясь вырваться из бессознательного состояния, он что-то бормотал или стонал, а потом вновь затихал. Айше протерла ему лоб смоченной в уксусе тряпкой, невольно отметив, что этот юноша едва ли намного старше их с Айнуrom. На нем был богато вышитый кафтан и парчовый пояс. Наверняка это сын кого-то из опальной знати! Что делать, если этот человек умрет в их доме, в доме, откуда им не сегодня-завтра придется убираться неведомо куда!

Очнувшись на несколько секунд, раненый почувствовал, что во рту пересохло, но вдруг кто-то пролил туда несколько капель свежей прохладной воды. Чьи-то нежные, теплые руки бережно приподняли его голову, а после вновь опустили на мягкую подушку. Он внимал этим прикосновениям, ловил легкое незнакомое дыхание. Единственное, что он успел увидеть, это таинственные, прекрасные глаза, а после погрузился в глубокий, но не смертельный сон.

[1] Особняк, дом зажиточного горожанина.

[2] Эфенди — господин; титул ученых, духовных лиц, судей и чиновников.

[3] Селим III (1761—1808) — османский султан (1789 — 1807), сын Мустафы III. Проводил реформы, направленные на упорядочение военного дела, финансов, землевладения. Ему принадлежала инициатива направить первых постоянных османских послов в Европу.

[4] Янычары — солдаты постоянного пехотного войска в Османской империи, пользовавшиеся особым привилегированным статусом.

[5] Мустафа IV (1778-1808) — османский султан (1807-1808), сын султана Абдул Хаида I.

ПОСТЕР К РОМАНУ ОТ МАСТЕРА ВИЗУАЛА КОНСТАНТИНА БРЕЗА

Глава вторая

Айну́р и Айше не спали всю ночь. После недолгого обсуждения было решено, что раненый останется здесь до тех пор, пока не сможет сказать, кто он и где искать его родных. Впрочем, все могло быть гораздо хуже.

— Я слышал, что после низложения султана казначей Хаджи Ибрагим эфенди спрятался в погребѣ, а когда наступила ночь, переправился через Золотой Рог[1]. От радости он дал лодочнику золотую монету, а тот разболтал об этом своим приятелям. Один из них донес янычарам, и те сразу поняли, что такую щедрость мог проявить лишь кто-то из спасавшихся бегством вельмож. Хаджи Ибрагима нашли, привели на Мясную площадь и там казнили. А личный секретарь Селима III Ахмед Фаиз эфенди бежал от янычар, перепрыгивая с крыши на крышу. В конце концов он оступился, упал на землю, и ему тут же отрубили голову, — сказал Айну́р и заключил — Возможно, родственники этого человека уже мертвы!

— Что же мы станем с ним делать?! — прошептала потрясенная его рассказом Айше, и брат мрачно произнес:

— Не знаю.

Наступило утро. Из-за холмов Анатолии[2] выплыло огромное красное солнце, и по куполам, минаретам, крышам Стамбула разлилась розовая краска. Длинный фасад Топкапы[3] засиял, как золотой, а окружающие его кипарисы приобрели оттенок позеленевшей бронзы. Город тонул в серых, розоватых, бледно-желтых пастельных тонах и легком дрожащем тумане, тогда как воды Босфора медленно наливались лазурью.

Совершив молитву, Айше закрыла нижнюю часть лица тонким шарфом и только тогда подошла к раненому. Слава Аллаху, он приподнял веки! Девушка немедленно позвала брата, чтобы тот поговорил с незнакомцем.

— Как вы себя чувствуете? — прежде всего поинтересовался Айну́р.

Молодой человек с трудом разомкнул губы:

— Мне лучше.

— Я очень рад. Да будет воля Аллаха, чтобы вы поскорее выздоровели. Я нашел вас у ворот нашего дома. На вас кто-то напал — скорее всего, янычары. Надо молиться, чтобы они не стали вас искать. Сожалею, но ваши спутники мертвы.

— Это была ошибка, — прошептал раненый.

Айну́р кивнул. В эти смутные времена все совершалось по ошибке, великой ошибке судьбы. Назвав себя, он кивнул на девушку.

— Это моя сестра Айше. Мы сами находимся в опасности, однако сделаем все, чтобы укрыть вас от людей нового султана. Скажите, ваши родные живы? Кому мы можем сообщить о том, где вы находитесь?

Несколько мгновений молодой человек озадаченно смотрел на них, потом назвал улицу в одном из богатых кварталов Стамбула и имя — Ахмед Рамиз эфенди.

— Это мой отец. Пошлите к нему или сходите сами: он щедро наградит вас! А я... я обещаю упоминать ваши имена в своих молитвах всю оставшуюся жизнь!

Раненый перевел взгляд на скромно молчавшую девушку, носившую имя любимой жены Пророка. Сквозь полупрозрачную вуаль были видны очертания ее тонкого носа, нежных губ, изящно очерченного подбородка. Вся одежда была черного цвета, который лишь подчеркивал белизну кожи Айше и глубину ее внимательных печальных глаз.

— А как зовут вас? — спросил Айну́р.

— Энвер.

— Янычары охотились за вами?

— Нет. Я же сказал, они напали на меня и моих людей по ошибке: вероятно, приняли за кого-то другого. Мой отец занимает важный пост при султани Мустафе IV.

Это было равносильно жестокому удару. Айну́р бросил быстрый взгляд на Айше, но ее лицо не изменилось. Возможно, она еще не осознала, что они спасли и пригнали врага. Или в ее глазах он был не врагом, а просто единоверцем, служащим другому правителю?

Айну́р слышал, что Мустафа IV произвел почти полную смену дворцового персонала, назначив на видные должности своих фаворитов из числа приближенных, состоявших при нем, когда он был наследным принцем. Но ведь так же поступил бы и султан Селим, и любой другой человек!

— Хорошо, — резковато произнес юноша, — я сообщу вашему отцу о том, где вы и что с вами произошло.

Вскоре раненый заснул, и Айну́р получил возможность поделиться своими мыслями с сестрой.

— Наш долг помогать ближним, — тихо сказала она. — Милосердие порождает преданность, добро отзывается еще большим добром.

— Для нас он не ближний! Возможно, его отец занял пост нашего отца!

— Что ты предлагаешь?

Айну́р помолчал, и его молчание было полно непримиримости и ожесточения.

— Я извещу его отца, но не приму никаких благодарностей. Мне не нужны подачки от человека, который служит султану Мустафе!

— Как печально, что эти распри разделяют нас даже с нашими единоверцами! — с печальным вздохом заметила Айше.

— Сейчас я отправлюсь к этому Ахмеду Рамизу эфенди, а ты не разговаривай с ним! — велел Айну́р, имея в виду Энвера, и сестра покорно ответила:

— Хорошо. — А потом предложила: — Сначала позавтракай.

Айше вернулась из кухни с подносом, но брат съел всего лишь несколько шариков курута^[4] и выпил две чашечки кофе. Сейчас было не до обильных трапез, к тому же Айну́р не знал, чем им с сестрой придется питаться в скором времени и к чему стоит привыкать.

Оделся он тоже скромно, выбрав однотонный кафтан и простой кожаный пояс, и не без опаски вышел за ворота. Трупы исчезли, и все же Айну́р ощущал неприятный холодок в груди, холодок страха. Улицы выглядели непривычно пустыми. Большинство кофеен, лавок и мастерских были закрыты: янычары не внушали народу никакого доверия.

Веяние утреннего ветерка напоминало прикосновение прохладного шелка, со стороны Босфора доносился острый запах соли. На склонах холмов высились стройные кипарисы и гигантские чинары, рассыпались розовые и фиолетовые гирлянды багряника и глицинии, раскинул свой серебристо-синий плащ вереск.

Айну́р шел мимо прилепившихся друг к другу домов, опоясанных деревянными галереями, где сушилось белье, висели ковры, мелькали женские фигуры. Черноокие, луноликие, стрелобровые — эти женщины были недоступны для него, особенно теперь. Юноша терзался тем, что ему пришлось оставить Айше в доме наедине с посторонним мужчиной. Впрочем, сестра — умная девушка: она наверняка удалится на женскую половину и пробудет там до его возвращения.

Айше именно так и собиралась поступить, но она не успела уйти, как Энвер обратился к ней:

— Ваша семья пострадала из-за свержения султана Селима?

Она заколебалась, отвечать или нет. Женщина, перекинувшаяся с посторонним мужчиной хотя бы несколькими словами, легко становится объектом пересудов и сплетен. Мало какой турецкий юноша решится заговорить с незнакомкой, зная, что встретит резкий отпор мужчин из ее семьи.

С другой стороны, их представили друг другу, он находился в ее доме (пусть и не в качестве гостя), и она даже перевязывала его раны!

— Мне нельзя разговаривать с вами, — решила ответить девушка.

Энвер смотрел на нее с пониманием.

— Простите, что обращаюсь к вам. Я знаю, что это невежливо. Но мне показалось, ваш брат огорчился, узнав, что мой отец — человек султана Мустафы. Так что вам грозит?

Айше почувствовала, что не может молчать. Ее томило многодневное стеснение в груди, мучили непролитые слезы. Она старалась держаться, дабы не огорчать Айнура, но сейчас ее напряжение прорвалось, и из глаз потекла влага.

— Нам недолго осталось жить в этом доме, — прошептала она, комкая в руке край вуали. — Отца казнили, у нас все отняли. Мой брат не может смириться с бессилием и безнадежностью.

— Прошу вас, не плачьте! Мне кажется, мой отец сумел бы вам помочь! — заметил Энвер.

Как ни была расстроена Айше, она твердо произнесла:

— Айнур не станет ни перед кем унижаться.

— Кто говорит об унижении! И ваш отец, и вы с братом пострадали безвинно. В такие дни государство перемалывает людей, как мельница — кофейные зерна. И если появляется возможность хотя бы отчасти восстановить справедливость, от этого не надо отказываться. Я восхищаюсь храбростью вашего брата, я помню прикосновение ваших рук и ваш взгляд...

В последних словах прозвучало нечто интимное, и Айше испугалась. В сердце женщины всегда должна быть мудрость, дабы уметь избежать греха и спокойно смотреть людям в глаза. К тому же ни один порядочный мужчина не станет добиваться благосклонности девушки за спиной ее родичей!

Вспыхнув, Айше встала, чтобы уйти. Однако, вспомнив о законах гостеприимства, задержалась на пороге.

— Вы не голодны?

Энвер не был уверен в том, что сможет проглотить хотя бы кусок, но ему хотелось ее удержать. Он и сам испугался слов, которые вырвались словно против его воли и которые он уже не мог взять обратно. Однако эти слова были искренними, и он не раскаивался.

— Я бы что-нибудь съел.

Айше молча вышла. Пока она собирала еду на поднос, ее губы дрожали, а слезы продолжали скатываться с ресниц и бежать по щекам. Она боялась, боялась своего будущего. Со дня свержения султана Селима и смерти отца прошло совсем мало времени, но они с братом уже зависят от чужих людей! Айше только сейчас поняла, насколько она незащищена: отец навсегда ее покинул, а Айнур еще слишком молод. Девушка взяла в кухне то, что там оставалось: черные соленые маслины и зеленые маринованные оливки, пирожки с мясом и брынзой.

Когда она вошла в комнату, Энвер кое-как приподнялся на подушках, потом сел. Айше заметила, что его кафтан, словно бисером, покрыт засохшими каплями крови. Он же чувствовал сладкий, волнующий аромат духов девушки, наслаждался шуршанием ее одежд.

Совсем недавно Энвер полагал, что ему рано мечтать о женщинах, прежде надо сделать карьеру. Но сейчас он подумал, что счастье мужчины зависит не только от его заслуг на поле боя или от успехов на чиновничьей службе, но и от взора, слов и прикосновений возлюбленной. Ахмед Рамиз эфенди внушал сыну, что слабый пол не имеет ни ума, ни души, что женщинам довольно быть привлекательными, послушными, искусными на ложе и плодовитыми, а остальное не имеет значения. Однако что, как не щедрая душа и доброе сердце побудили эту грустную красавицу спасти жизнь незнакомого человека!

— Не желаете выпить айрана?

— Да, благодарю.

Юноша и девушка неловко молчали. Айше невольно отметила, что, несмотря на ранение, Энвер выглядит более мужественно, чем ее брат. У него был резко очерченный подбородок, упрямая складка на лбу. Айнур отличался тонкостью черт, мальчишеской порывистостью движений, тогда как в этом молодом человеке ощущалось что-то спокойное, веское и надежное.

В это время Айнур подошел к дому Ахмеда Рамиза эфенди. Особняк стоял в окружении пышного сада, имел множество балконов и окон. Сложенная из красной черепицы крутая крыша выступала над стенами, образуя широкий навес.

Попасть внутрь оказалось не так-то просто: молодому человеку пришлось долго объяснять, кто он и с чем пришел. Наконец его пустили во двор, разделенный на две половины высоким забором. Из-за стены слышалось журчание фонтана, пение птиц и женские голоса: вероятно, там располагался гарем.

Навстречу Айнуру вышел мужчина средних лет с красивым породистым лицом, на котором, тем не менее, застыло не слишком приятное выражение. Чувствовалось, что этот человек расчетлив и питает презрение к окружающим. Несмотря на то, что перед ним стоял некто облеченный властью, суровый и твердый, да к тому же старший по возрасту, юноша не стал утруждать себя церемонными поклонами. Будь его воля, он бы вообще не являлся сюда!

Ахмед Рамиз эфенди держался спокойно, хотя наверняка переживал за судьбу сына. Выслушав Айнура, он сказал:

— Я сейчас же пошлю своих людей в твой дом, да хранит его Аллах! Как я могу вознаградить тебя за спасение жизни Энвера?

Вздернув подбородок, юноша дерзко произнес:

— Несчастен и жалок тот, кто принимает награду из рук своего врага!

Айнур еще никогда ни с кем не говорил таким тоном. По-видимому, Ахмеду Рамизу эфенди тоже не приходилось слышать ничего подобного из уст какого-то мальчишки. Его губы дернулись, а густые брови поползли вверх.

— Что ты имеешь в виду?

— Мой отец пострадал от руки сторонников султана Мустафы.

Глаза Ахмеда Рамиз эфенди опасно блеснули, и на мгновение что-то в нем напомнило Айнуру готового к прыжку зверя. Юноша напрягся, но в следующий миг Ахмед эфенди веско произнес:

— Но ты все-таки спас моего сына.

— Я не знал, кто он.

— Думается, ты сделал бы это в любом случае, ибо я верю, что в твоей груди бьется благородное сердце. Как звали твоего отца?

— Юсуф Хамид эфенди.

Во взоре отца Энвера мелькнула тень узнавания и даже больше — некоторого смятения, но он мгновенно взял себя в руки и произнес с долей приличествующей случаю скорби:

— Я его не знал и даже не слышал такого имени, тем не менее приношу тебе свои соболезнования. Полагаю, ты достойный сын своего отца.

[1] Узкий изогнутый залив, впадающий в пролив Босфор в месте его соединения с Мраморным морем.

[2] Анатолия — древнее название п-ва Малая Азия; азиатские владения Турции.

[3] Топкапы — главный дворец Османской империи до середины XIX.

[4] Соленый творог, засушенный в виде шариков.

Глава третья

Сколько себя помнила Ханар, ее стихией, ее миром, ее вечной дорогой была степь. Степь, чьи травы то позолочены зноем, то густо зелены от напивавших их дождей, то выбелены утренней изморозью. Степь, где есть желтое солнце и серебристая луна, сизые облака, сбившиеся грудой у горизонта, жаркое марево, ползучие туманы, хороводы птиц над головой и бесчисленная, зачастую невидимая живность под ногами. И ветер, вечный ветер, ласковый, как прикосновение материнской руки, или грозный, как дыхание сказочного дракона.

Ханар и имела дом, и не имела дома. Сейчас люди сидят в шатрах, а через несколько минут опорные решетки и шесты сложены, кошмы скатаны, и племя течет по степи рекой, подгоняя скот, под единым для всех куполом высокого неба.

Она привыкла к бескрайнему пространству и постоянному, порой казавшемуся бесцельным движению, жгучему солнцу, мерцающим звездам и таинственной холодной луне. Ей была неведома стесненная стенами жизнь, как и мечты о чем-то ином или большем, чем то, что она имела с рождения.

Ханар была ладной, красивой девушкой, и не один парень украдкой смотрел на нее, когда она шла за водой с узкогорлым кувшином, придерживая его тонкой смуглой рукой, осторожно ступая босыми ногами по колкой траве.

Любовались, но свататься не спешили: семья Ханар, в коей было двенадцать детей, была очень бедна. Их шатер был таким старым, что его постоянно приходилось латать, впрочем, как и одежду. Лет с десяти Ханар все наставляла и наставляла подол своего платья, так что он весь состоял из разноцветных лоскутков.

Внешне она была обычной девушкой, с тонким и гибким, как ива, станом, но внутри нее таилась недюжинная сила. Когда она ехала на приземистом, злом, готовом сорваться на рысь жеребце, крепко сдерживая его поводьями, ей чудилось, будто они слиты воедино, и его мощь плавно перетекает в ее девичье тело.

Как всякая девушка племени курдов, Ханар была бесстрашной и свободной. Как многие другие бедняки, она довольствовалась самой простой пищей, вроде пресных лепешек, сыра, масла и кислого молока. Курды редко ели плов: забой скота считался расточительством, животные значили слишком много, чтобы использовать их в пищу. Что бы ни случилось, главным для людей оставалась забота о стадах.

Курдянки не носили покрывал; случалось, сами выбирали себе мужей и полноправно участвовали в жизни племени. Многоженство не приветствовалось, разводы исключались, потому, несмотря на бедность и суровую жизнь, зачастую семьи были дружными и крепкими. Племя платило шейху дань, исчисляемую количеством шатров. Но Ханар не вникала в такие дела, так же как не имела понятия, что территория, по которой кочевало ее племя, входит в состав Османской империи. Более того, девушка очень удивилась бы, узнав, что степь может кому-то принадлежать.

Читать и писать она не умела, научилась только считать, дабы следить за количеством животных. Знала сказки и песни: то, что, собственно, и требовалось знать будущей жене и матери. Школой служили вечерние женские посиделки, полные живых, откровенных бесед. Ханар привыкла к бескрайней степной тишине, нарушаемой столь привычными и знакомыми звуками, что все постороннее тут же замечалось и резало слух. Потому в то роковое утро, различив вдалеке стук копыт чужих лошадей, она сразу насторожилась.

Было время сбора лекарственных трав, и девушка отошла довольно далеко от того места, где раскинулись шатры. Она стояла, то оглядываясь назад, то глядя вперед на приближавшихся всадников. Когда они подъехали к ней, Ханар увидела, что они не ее народа, иначе одеты, да

к тому же вооружены. Непривыкшая к коварству, насилию, равно как к внезапным переменам в своей жизни, она больше удивилась, чем испугалась.

Окружив курдянку, мужчины принялись разговаривать между собой на языке, которого она не знала.

— Чудо, как хороша! Быстрые глаза, гибкий стан, густые волосы, стройна и свежа!

— Она вся пропахла дымом, мокрой шерстью и молочной сывороткой. Дикарка!

— И что? Отмыть, приодеть и будет что надо! Естественность — вот что есть совершенство. Мужчины на рынке передерутся из-за нее.

— Увезем?

— Не советую. Она из курдов. Они очень воинственны, даже женщины. Снарядят погоню и перебьют нас.

— Тогда попробуем взять ее по согласию? Эти курды совсем нищие. У них нет ничего, кроме рваных шкур, деревянной посуды, да бурдюков с кислым молоком. Думаю, отец девчонки отдаст ее почти даром.

— А мы заработаем на ней немало золотых монет!

Один из мужчин обратился к Ханар на ломаном курдском:

— Эй, красавица, покажи дорогу к шатру твоего отца!

Степнячка не спешила откликнуться на неожиданную просьбу. Зачем им ее шатер? Если свататься, то они чужестранцы, а курды выдавали девушек только за своих. Если враги, то их слишком мало, чтобы они могли одолеть мужчин ее племени.

Законы гостеприимства взяли верх: Ханар кивнула и пошла впереди всадников, не подозревая, что они любят ее грациозными, гибкими, бессознательно отточенными движениями, туго стянутыми со лба и висков, заплетенными в косы волосами, хотя и не украшенными ни единой ленточкой или монеткой, зато спускавшимися ниже талии.

Появление незнакомцев вызвало в племени переполох. Однако узнав, что им ничто не грозит, курды успокоились. Перед гостями появились миски с сухими творожными и сырными шариками, пиалы с пахтаньем и кислым молоком. Резать ягненка, по мнению хозяев, было еще рановато.

Подушки, подложенные под спины турок, были жесткими. Струящиеся отовсюду запахи — пота, мочи, кизяка, скота, младенцев и старцев, разъедающего глаза дыма казались отвратительными. Но гости мужественно терпели: задуманное ими стоило и не таких неудобств.

Отец Ханар, жилистый мужчина, выглядевший лет на двадцать старше своего возраста, не сразу понял, чего хотят иноземцы.

— Кто-то из вас хочет жениться на моей дочери?

— Нет. Мы отвезем ее в Стамбул — самый главный город Османской империи. Там живет много богатых людей, желающих взять в свой дом красивую девушку.

Отец Ханар выглядел озадаченным.

— Ей будет хорошо?

— А ты как думаешь! Она будет жить в богатых покоях, хорошо одеваться, каждый день есть плов и сладости. Твоей дочери не придется работать. Она увидит столько чудес, сколько ей не могло пригрезиться в самых волшебных снах! И мы хорошо заплатим тебе. Сколько ты хочешь?

Они рассчитывали, что две последние фразы решат все, но ошиблись. Мужчина повернулся к дочери, которую и не подумал отсылать, как обычно бывало в таких случаях и к чему привыкли турки.

— Что скажешь, Ханар?

Брови девушки были сведены вместе, а рот решительно сжат. Разомкнув губы, она твердо произнесла:

— Я не хочу.

Турки с трудом сумели скрыть досаду и злость. Один из них с притворной ласковостью обратился к девушке:

— Не хочешь попасть в Стамбул? А ты когда-нибудь бывала в городе? Видела что-то, кроме своей степи?

Ханар посмотрела ему в глаза. А что видели эти люди? Кроваво-красные пятна маков, покрывавшие землю до самого горизонта? Первый солнечный луч, золотым клинком разрезающий небо, или стаи птиц, пересекавших его подобно темной реке? Ее сердце было распахнуто этому миру, она принимала его всей душой и постигала всеми чувствами. И не желала знать ничего другого. А еще она не ведала страха перед тем, чтобы сказать правду в лицо и поступить согласно собственной воле.

Отец Ханар развел руками.

— Мы бедные люди и едва ли когда-нибудь станем богаче. Если моя дочь не хочет ехать, так тому и быть.

Турки были потрясены. Этот нищий старик упускал возможность заработать! Османы слышали, что курды впечатлительны, как дети, но не знали, что они еще и глупы.

Гости попросились на ночлег, и хотя шатер был переполнен, им не отказали. Когда над степью рассыпались звезды, яркие и крупные, будто драгоценные камни в царской короне, они прокрались на женскую половину, набросили на голову Ханар мешок, заглушив ее сдавленный крик, и выволокли наружу. Их кони были быстры, а отцу девушки они оставили щедрую плату в надежде, что, поразмыслив, он не станет снаряжать погоню.

Они благополучно встретили утро, а потом начались проблемы. Мужчины привыкли к покорным женщинам, но эта была иной. Руки Ханар, которыми она сбивала масло в овечьей шкуре, неустанно катая бурдюк взад и вперед, оказались неожиданно сильными, а ее белые, крепкие, не знавшие сладостей зубы на удивление острыми.

— Оставим ее, — сказал один из османов, утомленный борьбой и лишившийся немало волос из своей бороды. — Эти курды не покоряются никому, даже судьбе!

— Нет, она слишком дорого стоит, — возразил другой. — Такую силу и страсть сполна оценят в Стамбуле!

— Там ценят покорность, слабость и глупость.

— И красоту. А этого девчонке не занимать.

Ханар связали, хотя обычно в таких мерах не было нужды. Девушки из турецких провинций — армянки, гречанки, черкешенки, особенно бедные, — были рады возможности попасть в гарем богатого османа. Это избавляло их от нелегкой доли в родных краях. Благо на происхождение, состояние, образование наложниц никто не смотрел, все решала внешность. И покорный нрав, которого у Ханар не было и в помине.

В своей жизни она руководствовалась не разумом, а инстинктом, порожденным вольным степным воздухом. Хотя Ханар была мусульманкой, она не имела привычки молиться. Считалось, что для этого существуют ученые люди, коих она никогда не видела, а простые смертные вроде нее, заслуживают свои скромные блага не обращением к Аллаху, а неустанным трудом. К тому же она слабо верила в существование того, кто может быть главнее, выше, свободнее неба, солнца, луны, звезд, воздуха и ветра.

Глава четвертая

По приезде в Стамбул мужчины постарались поскорее избавиться от дикарки. Ханар доставляла немало хлопот. Грызла веревки, отказывалась от еды, плевалась, кусалась, брыкалась, что-то гневно говорила на своем языке. В дороге она увидела немало диковинных вещей, но они не произвели на нее ни малейшего впечатления, равно как украшения и новая одежда. Она хотела вернуться домой.

Между тем отец Ханар, подсчитав выручку, быстро смирился. По его мнению, таких денег он бы не заработал за всю жизнь, а теперь семья сможет выгодно выдать замуж дочерей, купить сыновьям хороших жен и тем самым возвыситься среди соплеменников.

Попав в Стамбул, нередко называемый главным изумрудом в короне Османской империи, Ханар не сумела его оценить. Здесь было пыльно, душно, грязно и шумно. Узкие улицы напоминали пересохшие ручьи, дома отгораживались от внешнего мира глухими стенами, балконы затеняли без того темные уличные проходы. Хотя Ханар часто погружалась в себя, вспоминая прошлое, ту жизнь, которой ее лишили, все же в дороге у нее хватило ума присматриваться, прислушиваться, запоминать незнакомые слова. Это было необходимо для дальнейшей борьбы с теми, кого она считала своими врагами.

Ее заставили помыться, а потом заплели волосы в тонкие косички. Дали новое платье и обувь. Втолкнули в большое помещение вместе с десятками других девушек. Здесь было много грациозных чернооких красавиц, говорящих на разных языках, что исключало возможность с кем-то подружиться или что-либо разузнать. Похоже, никто из пленниц не помышлял о побеге, но Ханар думала только об этом.

Рабынь кормили пловом, в коем было много мяса, виноградными листьями, начиненными бараниной и рисом, овощами и фруктами, всевозможными сладостями, поили шербе-том, чаем и кофе: ничего подобного Ханар никогда раньше не пробовала. Водили в хамам, баню, где девушки сперва утопали в мыльной пене, а потом словно снимали с себя прежнюю кожу и рождались заново, а их тела становились похожими на нежные розовые бутоны.

В бане полагалось ходить в шлепанцах на высокой деревянной платформе — считалось, что они предохраняют ноги от жара и не дают поскользнуться на мокром полу. Однако Ханар так и не рискнула их надеть, именно потому, что боялась упасть.

Однажды к ним явился мужчина с бабьим лицом, а с ним неприятная с виду старуха.

— Здесь все девственницы? — спросила она. — Кто нет, выйдите вперед.

Никто не вышел, тогда заговорил мужчина:

— Вас осмотрят. И тех, кто солгал, жестоко высекут.

Вперед выступили две девушки, и их тотчас куда-то увели.

А потом пришел черед осмотра. Хотя Ханар еще не спала с мужчиной, она не представляла, что это важно кому-то, кроме ее будущего мужа. Когда ее попытались заставить раздвинуть ноги, она ударила пяткой в челюсть старуху, а потом укусила за руку евнуха. Ей пригрозили наказанием, но она ничего не боялась. Мало что могло сравниться с потерей родины, близких, всего, чем она жила с детства. Все, что окружало ее сейчас, казалось отравленным ядом притворства, насилия, зла.

По закону мусульманки не могли быть чьей-то собственностью и обращаться в рабство, но власти закрывали на это глаза. К удивлению и возмущению Ханар, многие девушки желали поскорей очутиться в гареме. Они охотно выставляли себя напоказ и без колебаний выполняли унижительные приказания торговцев и покупателей.

Дикарка Ханар не собиралась становиться бессловесным скотом; на нее не действовали ни уговоры, ни угрозы. Бить ее было опасно — девушка могла потерять в цене. Наконец ее все-таки выставили на продажу, хотя Ханар не позволила ни насурьмить себе брови, ни набелить

лицо, ни натереть ладони хной. Однако у нее были сверкающие глаза, гладкая чистая кожа, высокая грудь, тонкая талия, крутые бедра и стройные ноги.

Во дворе, куда вывели курдюнку, толпились мужчины, в основном среднего, а то и пожилого возраста, с солидной внешностью и толстыми кошельками. Иные господа заставляли невольниц открывать рот, прохаживаться, щупали их бедра и грудь. Одни девушки при этом смущались и плакали, другие старались сохранить невозмутимость, а третьи улыбались и даже смеялись.

Ханар ждала. Ждала, когда представится возможность вцепиться зубами в чью-нибудь руку или лягнуть кого-то ногой. А то и плюнуть в лицо. Покупатели останавливались возле нее, о чем-то спрашивали торговца, но не выказывали серьезных намерений. Они находили Ханар дикой и грубой. В моде были утонченные девушки, желающие услужить своему господину, способные разжечь в мужчине огонь вожделения изысканными и искусными способами. Никому не хотелось возиться с той, что способна проявить непокорность.

Ханар внимательно наблюдала за тем, что творится вокруг. Она заметила человека, в чьем взгляде сверкал неподдельный интерес. Это был юноша с красивым тонким лицом, выразительными жестами, хорошо одетый и немного нервный. Похоже, очутился в этом дворе по чистой случайности. Неожиданно Ханар призналась себе, что согласилась бы, если ее купил именно он. Юноша был привлекателен, молод и на вид совсем не опасен. От него она смогла бы сбежать.

Ханар решила, что не станет противиться и если этот человек заплатит за нее, пойдет следом за ним. Она видела, как юноша в нерешительности кусает губы. То ли у него не хватало денег, то ли он чего-то боялся, но он так и не приблизился к ней, зато подошел другой, старше, лет сорока с небольшим. На нем был богато расшитый кафтан и атласный кушак. За спиной господина стоял пожилой тучный черный евнух и еще один, юный, стройный, с более светлой кожей и приятным лицом.

Помимо всего прочего, Ханар довелось узнать, что в этом извращенном мире существуют странные существа, не бывшие женщинами, но и не считавшиеся мужчинами. И самое страшное, что такими их сделали люди.

Судя по всему, приглянувшийся ей юноша хотел улизнуть, но не успел: второй господин заметил его и что-то удивленно произнес. (Поняв, что они знакомы, Ханар испытала невольное разочарование). Юноша ответил — в его тоне слышалась досада. Некоторое время мужчины о чем-то беседовали (Ханар улавливала только отдельные знакомые слова), потом молодой все же ушел, а тот, что постарше, обратился к торговцу:

— Кто эта рабыня? Откуда?

— Курдюнка. Эта невольница не может похвастать утонченными манерами, но она свежа, как только что сорванная трава.

— Вот именно — трава, — заметил покупатель. — Цветком ее трудно назвать.

— Вы вылепите из нее все, что захотите.

— Не думаю. Она напоминает мне не глину, а камень.

— Вы правы, эфенди, — признался торговец. — Ее будут ломать, пока не сломают, станут обтесывать, уродуя созданное Аллахом. Но если эта девушка попадет в добрые руки хорошего человека...

Мужчина разглядывал невольницу. У него уже было три наложницы, и он подыскивал четвертую. Возвысившись при новом султани, он мог позволить себе иметь много женщин. Хотя его наложницы принадлежали к разным народностям и не были похожи характерами, у них все же имелось нечто общее, кроме красивой внешности: они были покорными и послушными. Ему же хотелось чего-то необычного, особого. Зажигательного. В глазах упрямой рабыни были решимость и сила, и, как ни странно, именно это делало их такими прекрасными. Дочь степей вовсе не желала никого пленять и в то же время пленяла.

Мужчина понимал, что эта курдянка наверняка проявит упрямство, но это лишь разожгло его страсть. Он представил, как возьмет ее на ложе, и в нем забурилась кровь.

— Она девственница?

— Не сомневайтесь, господин.

Покупатель сделал знак черному евнуху, и тот достал кошелек.

— Беру. Как ее зовут?

— Ханар, — ответил обрадованный торговец. — Хотя вы можете назвать ее любым именем. Для начала лучше запишите ее, эфенди, а то она может сбежать. Вы видите, я честен с вами.

— Я ценю это, а потому даю за нее столько, сколько ты просишь.

Несмотря на свой упрямый нрав, Ханар выглядела испуганной. Кажется, впервые со дня плена ее гордо расправленные плечи сгорбились, поникли. Она чувствовала, что не вырвется от этого мужчины, особенно если он посадит ее под замок. У него был слишком властный и жесткий взгляд, он привык, чтобы ему повиновались.

— Она знает язык?

— Говорит еще плохо, но многое понимает. Главное, в ней нет притворства. Все намерения и мысли этой девушки вы прочтете в ее глазах.

Когда на невольницу накинули легкое покрывало, она сбросила его, резко мотнув головой.

— Не привыкла, — примирительно произнес торговец. — Их женщины не закрывают лица.

Глаза нового хозяина курдянки недобро сузились, но он ничего не сказал.

Ханар вывели с той части базара, где продавались рабы, и повели по лабиринту узких, стиснутых лавками проходов. Знаменитый стамбульский Крытый рынок, Капалы Чарши, представлял собой целый город. Корзинщики, кожевники, сапожники, скорняки, оружейники, чеканщики по серебру и меди, ювелиры, торговцы коврами и фруктами занимали отведенные для них ряды. Стоял такой шум, что нельзя было слышать ни собственных слов, ни дыхания, ни шагов.

Ханар вертела головой, соображая, можно ли сбежать, воспользовавшись толчеей, нырнуть в какой-нибудь проход, как в нору, но старший евнух крепко держал ее связанные руки. Она попыталась встретиться взглядом с младшим, прикидывая, нельзя ли перехитрить его или разжалобить, но тот сразу отвел глаза.

Они шли мимо величественных мечетей, конаков знати с крутыми черепичными крышами, множеством окон и балконов, нависавших над улицей и поддерживаемых деревянными консолями. На улицах толпилось много мужчин, но кое-где навстречу попадались и женщины, чья красота была надежно спрятана под слоями ткани, а ум и воля придавлены грузом запретов и правил.

Наконец Ханар привели к дому, за порогом которого ей предстояло навсегда расстаться с прежней жизнью, и человек, который отныне считал себя ее хозяином и господином, небрежно произнес:

— Не противься. Это воля Аллаха, а он всегда знает, как правильно поступать и что во благо каждому смертному. В свою очередь разумный человек должен стараться обратить обстоятельства жизни себе на пользу. Сейчас ты встретишься со своими будущими подругами, которые объяснят тебе, что такое женское счастье.

Глава пятая

Когда Ахмед Рамиз эфенди переступил порог дома Айнура, Айше быстро скрылась из виду.

— Это моя сестра, — пояснил молодой человек.

Как ни был молод и неопытен Айнур, он сразу заметил, что отношения Ахмеда эфенди и Энвера далеки от идеальных. Возможно, внешне этот юноша был послушным сыном, но в его душе тлела некая обида на отца, зрело несогласие с какими-то его решениями. Вопреки всему, Айнур почувствовал симпатию к Энверу. Он хорошо знал, что такое отцовская власть, определяющая будущее, решающая судьбу, руководящая помыслами детей.

— Воля Аллаха, ты жив! — воскликнул Ахмед эфенди, увидев сына.

— Слава Всевышнему и спасибо обитателям этого дома, — ответил Энвер.

— Конечно. Кстати, я сегодня же подам соответствующий рапорт — напавшие на тебя люди будут найдены и наказаны.

— Лучше отблагодарить тех, кто меня спас.

— Я предлагал им награду и помощь, но Айнур отказывается. — Ахмед эфенди бросил на юношу выразительный взгляд.

— У него есть на это причины.

— Я понимаю. Ты можешь встать? У ворот ждут носилки.

— Я попытаюсь.

— Давайте, я помогу, — неожиданно для себя предложил Айнур.

Морщась от боли, Энвер доковылял до ворот, опираясь на плечи отца и своего спасителя. Он еще раз сердечно поблагодарил Айнура, и тот сдержанно кивнул.

Перед тем как тронуться в путь, Ахмед эфенди сказал юноше:

— Если ты решишь принять мою помощь, то знаешь, где меня найти. Ты не будешь выглядеть просителем. Я сочту за честь тебя вознаградить.

Тот усмехнулся в душе. Многие облеченные властью люди с легкостью воображают себя волшебниками, между тем больше всего на свете он хотел бы вернуть то, что невозможно вернуть: отца и будущее, которое было уготовано ему, Айнуру, до свержения Селима III.

Когда Ахмед эфенди ушел, молодой человек позвал сестру и рассказал ей об отце Энвера.

— Он думал меня купить, но я отказался! — гордо заявил он.

— Он хотел не купить тебя, а отблагодарить, — возразила Айше.

— И втайне посмеялся бы надо мной, как смеются сторонники султана Мустафы над поверженными врагами. Я не дам ему повода для торжества.

Айше печально вздохнула. Брат тешил свое самолюбие, а она размышляла, на что им жить.

— Когда нам предстоит покинуть дом?

— Нас известят. Это может произойти в любой момент.

— Мы лишимся даже личных вещей?

— Не думаю, что дойдет до того, что у тебя отберут одежду и украшения, и все-таки самое ценное надо спрятать.

— У меня есть золото, которое можно продать, — сказала Айше, и Айнур тотчас возразил:

— Я никогда не допущу, чтобы ты лишилась своих украшений.

Сделав паузу, девушка нерешительно произнесла:

— Как думаешь, Ахмеду эфенди под силу сделать так, чтобы нам оставили дом?

— Ты снова об этом! — воскликнул Айнур. — Говорю тебе, я не желаю пользоваться его подачками!

— Но мы родились и выросли в этом доме. Его стены хранят память о наших родителях и о нас самих.

Юноша ничего не сказал, но днем заметил, как Айше разглядывает немногочисленные сохранившиеся в доме безделушки, узкогорлые вазы, проводит рукой по коврам. В эти минуты вокруг девушки словно витала тень ее несбывшихся мечтаний. Сестра была права: чудесные теплые краски, мягкие линии старинных узоров воскрешали воспоминания об их детстве, как и мысли о давних, канувших в небытие временах, когда Айнура и Айше еще не было на свете.

Молодому человеку стало жалко сестру. Женщины ограничены в передвижениях, потому всегда сильно привязаны к дому, к месту, к вещам. Айнур подумал о том, что если с ним что-то случится, Айше останется совсем одна. Когда Аллах испытывает мужчину, больше всего достается женщинам. Молодому человеку была невыносима мысль о том, что сестра может попасть в гарем какого-нибудь негодяя, который станет измываться над ее кротким нравом и хрупкой красотой. Вместе с тем он не знал, как этого избежать.

Глава шестая

Через несколько дней, устав сидеть дома без дела, Айнур вышел прогуляться. Стояла весна, и Босфор розовел от цветущих багрянников и бугенвиллий. По течению плыли легкие каики[1], издали похожие на мазки черной туши. Туман над проливом напоминал прозрачно-белое покрывало турецкой красавицы.

Осенью воды Босфора замерцают серебром от бесчисленных косяков рыбы, приплывшей из холодного Черного моря, чтобы метать икру. А зимой пролив покажет свой нрав: налетевшие северные ветры взбаламутят волны, заставят жителей Стамбула ежиться от зябкой сырости даже в подбитой мехом одежде.

Торговля не могла долго простаивать, потому многие лавки открылись. До Айнура долетали больно ранившие его слухи. Так люди болтали, что у бывшего заместителя великого визиря, Мусы паши, нашли огромные богатства, награбленные за время пребывания у власти, которые вернули в казну, что правительство султана Селима погрязло во взятках.

Народ с одобрением относился к казням и конфискациям. Кое-кто даже считал, что толк будет и от овладевшей Стамбулом янычарской вольницы: пусть brave солдаты срезают головы преступников, как дыни! О том, что на смену одним казнокрадам пришли другие, никто не задумывался.

Помимо воли мысли юноши возвращались к предложению отца Энвера. Человек никогда не знает, что приведет его к могуществу, а что — к упадку. Наверное, в данном случае не надо действовать прямо, а стоит использовать хитрость. Что, если благодаря Ахмеду эфенди он, Айнур, сумеет приблизиться к тем, кто отдал приказ обезглавить его отца? Другой возможности не представится. Взаимоотношения служителей дворца подобны медленному плетению сложных узоров; быстро и не раздумывая, действуют лишь янычары с их примитивным умом, порывами, как у горячих скакунов, и умением обращаться с оружием.

Айнур нерешительно направился к особняку Ахмеда эфенди. Для начала он мог бы справиться о здоровье Энвера, после чего отец юноши наверняка бы вернулся к разговору о награде. Он стоял на противоположной стороне улицы, когда ворота открылись и появился Ахмед Рамиз эфенди в сопровождении евнухов, старого и молодого. На отце Энвера была изящно обернутая муслиновым полотном феска, подпоясанный атласным кушаком и столь обильно расшитый цветным шелком длиннополый кафтан, что под вышивкой не было видно ткани, темно синие шальвары и такого же цвета, только усыпанные блестками туфли с узким носком и обвязанными вокруг щиколотки парчовыми шнурками.

Едва ли Ахмед эфенди направлялся на службу. Сам не зная для чего, Айнур решил незаметно последовать за ним. Его злил вид этого благополучного, самоуверенного чиновника, и он ничего не мог с собой поделать.

Пройдя по лабиринту улиц, отец Энвера ступил под своды Крытого рынка (не потерять его в невероятном скоплении народа было делом непростым, но толчея также помогла Айнуру укрыться от глаз преследуемых им людей), а потом, к удивлению юноши, направился в ту его часть, где продавался живой товар. Это был огороженный стенами дворик, и туда допускались лишь хорошо одетые, обладающие соответствующими манерами господа.

Стояла достаточно сильная, но еще не изнуряющая июньская жара. Посреди двора располагался лепной фонтан, откуда била жидкая струйка. Айнуру страшно хотелось плеснуть на себя водой; не столько затем чтобы смыть внезапно выступившую на лбу испарину, сколько охладить свои чувства, но он боялся привлечь к себе внимание. Возможно, в его возрасте появление в этом дворе было разрешено лишь в сопровождении старших, отца или брата?

Это было единственное место в Стамбуле, где Айнур мог увидеть женщин с полностью открытыми лицами, обнаженными плечами и руками, а иногда даже — о Небо! — просвечи-

вающей сквозь ткань грудью. В глазах юноши рябило от различных типов красоты, цвета кожи и волос. Иные девушки посылали ему манящие улыбки, и хотя Айнур знал, что это невинное озорное заигрывание, лукавое мерцание глаз всего лишь притворство, его сердце поглотил океан неведомых чувств. Какая-то невидимая, мощная древняя сила влекла его за собой. Ему хотелось избавиться от муки, коей он не знал названия.

Фасады многих мечетей, чьи купола словно плыли среди облаков, опоясывали длинные галереи с колоннами и арками, в тени которых встречались, отдыхали, беседовали мужчины. Создавалось впечатление, им нравится общаться только друг с другом. Но на самом деле Аллах создал и устроил сильный пол так, что жизнь без женщин была подобна существованию в бесплодной пустыне.

Айнур с трудом вспомнил, что он пришел сюда вслед за Ахмедом эфенди. Значит, отец Энвера желает купить наложницу? В таком случае стоит оценить его вкус!

Незаметно пробираясь вслед за Ахмедом эфенди и его спутниками-евнухами, молодой человек обратил внимание на девушку, чья красота сияла, словно звезда в темном небе. Вместе с тем в ней не было ни капли утонченности, она напоминала дикое животное, неукрошенную степную кобылицу.

Блестящие миндалевидные глаза, чуть резковатые скулы, манящие, как врата рая, губы — все ее черты были яркими, крупными. Она следила за мужчинами, будто хищница за добычей, но с намерением не соблазнить, а защититься. Айнур замер, словно пораженный громом. Он привык считать красавицей свою сестру (единственную девушку, которую он имел право видеть без покрывала) с ее правильными чертами, выразительными глазами, милой улыбкой, грациозным изгибом шеи, но теперь понял, что ошибался: на свете существовало кое-что получше.

Будь у него при себе деньги, он бы немедленно купил эту рабыню (даже если бы после ему пришлось просить на улицах милостыню!), привел домой и провалился в сладкую бездну ее плоти, теряя разум в водопаде наслаждений, утопая в волнах любви. Айнур увидел, что она смотрит на него не так, как на других мужчин, с ожиданием, без опаски, и понял, что она пошла бы за ним и не стала бы его мучить. Но... что он мог? Он был нищим, отверженным, неопытным, робким, слишком молодым.

Фигуру рабыни заслонил мужской силуэт. Ею заинтересовался другой, более состоятельный во всех отношениях человек. Это был... Ахмед Рамиз эфенди! Айнур решил сбежать, но в этот миг отец Энвера неожиданно повернулся и его глаза изумленно расширились.

— Ты?!

Юноша что-то пробормотал.

— Ты ко мне?

— Я... я оказался здесь случайно. Как здоровье вашего сына?

Разумеется, Ахмед эфенди все понял. Это можно было прочесть на его лице.

— Энвер поправляется. Может, ты зайдешь его навестить? Он будет рад.

— Да. А когда?

— Приходи завтра после дневной молитвы.

У Айнура пересохло в горле, потому он сумел только кивнуть в ответ. Он знал, что должен уйти, и удалился, досадуя на себя. Ему очень хотелось узнать, купил ли Ахмед эфенди ту диковатую невольницу? Молодому человеку была невыносима мысль о том, что отец Энвера овладеет этой рабыней. А если она не дастся? Впрочем, может ли женщина не покориться мужчине?

Айнур остро ощутил необходимость действовать. Он с трудом дождался начала следующих суток. Юноша ничего не сказал Айше, хотя, наверное, сестра обрадовалась бы его решению принять помощь Ахмеда эфенди. И всю ночь, отделявшую минувший день от грядущего, на грани сна и яви к нему являлась та девушка, имени которой он даже не знал.

[1] Каик — длинное и узкое гребное судно.

Глава седьмая

Айнур шел по набережной, наслаждаясь свежим морским бризом, вновь и вновь обдумывая свои планы. Правда, теперь он точно не знал, с чем они больше связаны — с мстью или с любовью.

По берегам Босфора, по праву считавшегося главной артерией Стамбула, громоздились и высились арсеналы, казармы, склады, ослепительно белые мечети, замысловатые дворцы знати и маленькие домики на сваях, издали казавшихся тонкими, словно ноги фламинго.

Айнура без промедления провели к Энверу, который в самом деле сильно обрадовался его приходу. Но при этом он также был чем-то огорчен и расстроен.

Обстановка дома Ахмеда эфенди оказалась довольно роскошной. На стенах висело много писанных золотом изречений из Корана в красивом обрамлении, в нишах стояли драгоценные вазы. Айнур невольно задал себе вопрос, куда девается имущество, отнятое у сторонников опального султана, и у него сжалось сердце.

— Ты поправляешься? — спросил он Энвера.

— Мне гораздо лучше. Какие новости в городе?

Айнур стиснул зубы. Самым главным событием была предстоящая коронация нового султана.

— Говорят, на следующей неделе Мустафа IV должен опоясаться в мечети Эйюба мечом Османа.

— Ты огорчен?

— Нет, радуюсь.

— Прости. В конце концов, мы служим прежде всего интересам империи.

— Каждый султан уверен, что соблюдает эти интересы. Пока Мустафа IV размышляет только о том, как угодить мятежникам!

— Нам не дано знать, что думает повелитель, — примирительно произнес Энвер. — Наверняка государство ожидают реформы, о коих мы не можем ничего предположить. И тот, кто останется в стороне, не сумеет ничего предпринять.

Айнур сделал вид, что не понял намека, и тогда Энвер продолжил:

— Мой отец поручил мне поговорить с тобой об этом. Он опасается, что ты не станешь его слушать, тогда как я и ты ровесники или почти ровесник. И возможно, мне удастся тебя убедить. Ему требуется помощник в делах. Молодой, расторопный, толковый.

У юноши вырвалось:

— А как же ты?

Энвер назвал должность — одну из младших во дворце, но все же весьма почетных для молодого человека. Ему предстояло служить в свите принца Махмуда[1].

У Айнура потемнело в глазах. Неплохой скачок в таком возрасте. А ему предлагают место мальчика на побегушках! Однако он сдержался и ничего не сказал. Энвер тоже был начеку.

— Отец считает, что пока тебе опасно выходить из тени. Пусть все немного забудется. Он проследит, чтобы тебя не трогали. Вас не сошлют и вам оставят дом. Кстати, как поживает твоя сестра?

Айнур насторожился. Какое ему дело до Айше?

— Она здорова.

Энвер сложил ладони.

— Да пребудет с ней вся доброта Аллаха!

— Я ей передам.

— Состояние Юсуфа Хамида эфенди, конечно, уже не вернуть, зато ты станешь получать жалованье. Так каков твой ответ?

Энвер говорил рассудительно и спокойно, не унижая достоинства собеседника, и это понравилось Айнуру.

Была единственная жизнь, которую он желал защитить, — жизнь Айше. Айнур подумал о том, что если он примет предложение Ахмеда эфенди и Энвера, сестре не придется работать. И, возможно, ему еще удастся накопить ей на приданое.

— Так и быть, я согласен.

Энвер улыбнулся.

— Слава Аллаху! Приходи завтра утром. Отец тебя примет.

Когда Айнур ушел, из-за разделявшего комнаты занавеса появился Ахмед эфенди.

— Я выполнил твою просьбу, хотя отнюдь не очарован, а разочарован этим юношей. Он дерзок от глупости. С таким характером и умом ему не сделать карьеры.

— Когда это характер и ум были важнее хорошей протекции? — резче, чем хотел, произнес Энвер.

— Протекция нужна, чтобы поступить на службу, а чтобы удержаться на ней, необходимы осторожность и хитрость.

— Такие качества появляются не вдруг.

— Посмотрим, — уклончиво промолвил Ахмед эфенди.

— Хорошо. Благодарю вас, — с явным запозданием и слегка натянуто произнес сын.

Вопреки всему, Энвер желал подружиться с Айнуром, хотя отец всегда говорил, что между служителями Порты[2] возможно только соперничество, но никак не приятельские отношения. Что ж, по крайней мере, отец не видел в сыне Юсуфа Хамида эфенди конкурента своему собственному наследнику, что в нынешних условиях было неудивительно.

— Ты утомился, — сказал Ахмед эфенди. — Отдохни, а я пойду к себе.

Лоб Энвера прорезала привычная упрямая складка.

— Я бы желал поговорить с вами еще об одном деле.

Отец попытался скрыть раздражение.

— Я тебя слушаю.

— Зачем вы купили новую девушку?

Ахмед эфенди усмехнулся.

— Глупый вопрос.

Энвер поморщился, будто в комнате дурно запахло. Отец никогда не признавался в том, что в его жизни были ошибки и не пытался искупить грехи, поэтому молодой человек произнес то, что было верхом дерзости:

— Я никогда не прошу вам смерти моей матери.

Ахмед эфенди стерпел сказанное лишь потому, что перед ним был его единственный — пока единственный! — да к тому же раненый сын.

— Моей вины в этом нет. Ее призвал Аллах.

— После того, как она лишилась единственного истинного для нее сокровища. Вашей любви!

Отец непонимающе нахмурился.

— Любви?

Энвер понял, что сказал лишнее. Как он мог позабыть, что отец знал вождение, но не ведал сердечного чувства!

Его мать, покинувшая сей мир несколько лет назад, была для него образцом женской добродетели, мудрости и достоинства. Энвер ее обожал. Он никогда не задумывался о том, что, согласно всеобщему мнению, женщины стареют гораздо быстрее мужчин, потому как в его глазах Гюнай, «дневная луна», была самым прекрасным в мире светилом. Когда отцу было около сорока и его чресла наполнились новой силой, а положение при тайных ставленниках султана Мустафы окрепло, он захотел взять себе молодых наложниц.

Желание мужа повергло Гюнай в глубокое горе. Она надеялась остаться избранной, уважаемой, почитаемой женой Ахмеда Рамиза эфенди и матерью его единственного сына. Сперва она подумала, что решение мужа вызвано тем, что она родила ему лишь одного ребенка и он желает увеличить потомство, но, конечно, истинная причина заключалась в другом.

Чем больше у мужчины женщин, тем (вкуче со всем остальным) выше его положение в обществе. Иметь одну жену такому человеку, как он, не только не престижно, а даже стыдно — именно так Ахмед эфенди и заявил своей супруге.

Дабы прослыть образцовой женой, какой она, впрочем, всегда и была, Гюнай проглотила ревность, тем более муж не обращал никакого внимания на ее мольбы и слезы. Сначала в гареме появилась молодая грузинка, потом черкешенка и, наконец, армянка. Все девушки были молоды и красивы. Ахмед эфенди по очереди проводил ночи с каждой, а потом щедро одаривал их. Украшения и наряды доставались и Гюнай (к которой он больше не прикасался), но только они не радовали женщину, а напротив, жгли ей душу.

Будучи благородной турчанкой, она не выговаривала мужу и не злословила о его наложницах. И все же это было невыносимо. Она старалась не выдать своего горя, но оно против воли прорывалось наружу.

Энвер все понимал. Он был достаточно взрослым, чтобы испытывать стыд за отца и сочувствовать матери. В данном случае Коран не являлся для него чем-то неоспоримым, законы сердца, порядочности, совести были главнее.

Гюнай ощущала себя неполноценной, сокрушалась, что утратила свою привлекательность. Она не могла соперничать с девушками, которые были в два раза моложе нее. Они проявляли к ней известное уважение, но во многом жили своей жизнью, жизнью юных беззаботных существ: во всяком случае, так казалось законной и вместе с тем отвергнутой супруге Ахмеда эфенди.

Доля женщины — мириться с судьбой, но у Гюнай не получилось. Женщин приучают не требовать от жизни слишком многого, но она не смогла. Она стала чахнуть и спустя год после того, как в гареме появились молодые наложницы, тихо ушла на тот свет.

Энвер негодовал. Он не мог смириться с тем, что свет прекрасных глаз его матери навсегда погас, а ее волшебный голос умолк. Одно дело, когда человек покидает земной мир из-за болезни или несчастного случая, и совсем другое — из-за разбитого сердца и душевной тоски.

— Но вы не жалеете о том, что она умерла, — твердо произнес юноша, и ответ отца вбил в его душу невидимый гвоздь:

— Поскольку ее больше нет, я не вижу необходимости думать о ней.

[1] Махмуд II (1785-1839) — младший брат султана Мустафы IV, сын Абдул-Хамида I, османский султан с 1808 по 1839 г.

[2] Порта, (Высокая, Блистательная) — здание правительства и само правительство Османской империи.

Глава восьмая

То, что Ахмед Рамиз эфенди заговорил с Ханар на пороге своего дома, было всего лишь большой уступкой необычным обстоятельствам. Все связанное с воспитанием наложницы, приучением ее к гаремным порядкам, как водится, ложилось на плечи евнухов. Хозяин был уверен, что они справятся, во всяком случае, старший, абиссинец[1] Ибрагим.

Он был родом из Африки, но не помнил ни своих родителей, ни данного ему при рождении имени. Почти всю жизнь прослуживший в доме Ахмеда эфенди, а еще раньше — его отца, Ибрагим вполне соответствовал мнению о том, что кастрированный человек, как и холощенное животное, никогда не убежит от своего хозяина. Оскопленный в раннем детстве, он отнюдь не страдал от своего положения и легко мог доказать желающим, что физическое преимущество ничто перед силой ума.

Для начала евнух сообщил Ханар, что она должна радоваться тому, что из варварского края попала в Стамбул и что ее купил такой солидный и богатый человек, который, если она будет послушной, станет дарить ей одежду и украшения. Нечто подобное девушка слышала много раз, потому не обратила на слова Ибрагима никакого внимания.

Уверенный в том, что у остальных наложниц хватит ума не поспорить с новенькой, евнух отвел ее в гарем. Пусть посмотрит, как живут другие женщины Ахмеда эфенди, и сделает выводы. Пройдя через дворик с фонтаном и переступив порог женской половины дома, Ханар очутилась в большой комнате, где стояли низкие диваны с мягкой обивкой, заваленные горами подушек. Ноги тонули в пушистом ковре, ноздри щекотал аромат благовоний. На маленьких столиках стояли кувшины с шербетом и блюда со сладостями и фруктами.

Ибрагим что-то сказал своему молодому помощнику, тот скрылся в глубине гарема, и вскоре перед Ханар предстали три девушки. Одна из них отличалась высоким ростом, гордой осанкой, строгим профилем и умным взглядом. Это была грузинка Манана, в Турции нареченная Гюльбахар. Красота второй, черкешенки Зейнаб, обладательницы сапфировых глаз, сохранившей свое настоящее имя, сверкала, как драгоценный камень. Кто-то считал глаза такого цвета «пустыми» и даже называл их «вратами ада», а кому-то они казались на редкость красивыми.

Верховодила в гареме именно Зейнаб, потому что, во-первых, изначально была мусульманкой, во-вторых, обладала безудержной страстной натурой истинной горянки. К тому же она единственная из всех осознавала: дома ей ни за что не удалось бы вырваться из беспросветной нищеты. У третьей наложницы было безупречно овальное лицо, печальные глаза цвета гречишного меда под длинными ресницами, хрупкие плечи и тонкая талия, но неожиданно тяжелые груди и широкие бедра, отчего ее фигура казалась несколько приземистой. Ее вывезли из Армении и вместо Сэды назвали Белгин.

На всех девушках были дизлык, доходящие до колен льняные панталоны, парчовые туфельки без задника и нижние рубашки гемлек. Хотя ворота рубашек обитательниц гарема скреплялись драгоценными застежками, полупрозрачный муслин не скрывал их женских округлостей.

Каждая наложница брала от жизни желаемое чем-то своим: Гюльбахар — умом, Белгин — кротостью, а Зейнаб — бесцеремонностью. Увидев Ханар, они с первой минуты отнеслись к ней по-разному. Грузинка понимала: эта девушка не виновата в том, что ее купили и привели сюда. Армянка сочувствовала новой наложнице, тогда как черкешенка была готова ее возненавидеть.

— Откуда она? — спросила Зейнаб, ткнув пальцем в Ханар.

Хотя положение черкешенки ничем не отличалось от положения остальных обитательниц гарема, в ее голосе звучали повелительные нотки.

— Она из племени курдов, — ответил Ибрагим.

— Дикарка! Она знает турецкий язык?

— Плохо, но выучит.

— Похоже, она не отличается покорностью, — заявила черкешенка, отметив воинственный взор и напряженную позу Ханар.

— Противиться ради того, чтобы противиться, бессмысленно, — вставила грузинка.

Армянка молчала, и именно к ней первой Ханар почувствовала некоторое расположение.

— Ты должна слушаться, — продолжила Зейнаб, и тут девушки впервые услышали голос новой наложницы, для которой произнесенная черкешенкой фраза была до боли знакомой.

— Тебя? — спросила Ханар, не сводя с нее взгляда.

Поскольку здесь находился Ибрагим со своим недреманным оком и второй евнух, Эмре (которого девушки нисколько не боялись), Зейнаб ответила:

— Господина.

Ханар усмехнулась, и черкешенка не выдержала:

— Она наглая и глупая!

Услышав это, Ибрагим тотчас угрожающе произнес:

— Ты смеешь осуждать выбор хозяина?

— Конечно, нет, — черкешенка с трудом выдавила улыбку, — просто...

— Ваша задача, — перебил Ибрагим, — сделать так, чтобы эта девушка прижилась в гареме. Никаких потасовок и ссор! Покажите ей, как следить за собой, подскажите, чем угодить господину. Мы с Эмре тоже займемся ею.

Попытки втолковать Ханар хоть что-то по части манер не имели успеха. Зато курдянка согласилась изучать турецкий, понимая, что без знания языка у нее будет меньше возможности вырваться из плена. Хотя прежде в ее ушах звучал поток, на первый взгляд, знакомых слов, она не понимала, что ей говорят. Но поскольку почти все, кто теперь окружал курдянку, старались обучить ее языку, вскоре она смогла выражать свои мысли и улавливать смысл чужой речи.

Как-то раз, улучив минуту, Белгин спросила у новой наложницы:

— Когда тебе дадут новое имя?

— Имя у меня есть, и я не собираюсь откликаться на другое.

— Ты должна оставить прошлую жизнь позади, иначе тебе придется тяжело.

— Мне без того тяжело. Меня увезли силой.

— Такое случается со многими. И все смиряются.

— А я не стану! Отсюда можно сбежать?

— Нет. Да и куда?

— Я бы вернулась домой.

— Разве родные примут тебя после того, как ты побывала в гареме?

Об этом Ханар не подумала. Но в ее сердце было столько ожесточенности и решимости, что она резко проговорила:

— Это неважно. Главное — вырваться отсюда!

Девушки сидели на скамье в окружении платанов и кипарисов, в ветвях которых заливались птицы, возле бассейна с тихо журчащей водой, где плавали золотые и серебристые рыбки. Рядом цвели одуряюще пахнущие розы, нежно благоухающий жасмин и ароматная вербена. Трава была ровно подстрижена, дорожки посыпаны мраморной крошкой.

Неожиданно Белгин охватила такая тоска по родной Армении, по сверкающему на фоне бледно-голубого неба, будто гигантский алмаз, Арарату, покрытым цветущими маками, словно пятнами алой крови, лугам, каменной церквушке, в которой по воскресеньям собиралось все селение, что ей захотелось завывать. Белгин чудилось, что с того момента, как она покинула родину, прошло не меньше тысячелетий, чем с тех пор, когда, согласно легенде, Ной посадил там первую розу.

К реальности девушку вернул собственный голос, повторявший то, что однажды сказала Гюльбахар, самая рассудительная и серьезная из всех троих (а теперь четверых) наложниц:

— В результате ты попадешь к другому мужчине или мужчинам, только и всего. А если тебя вернут к Ахмеду эфенди, тебе не избежать жестокого наказания.

— Какое право он имеет меня наказывать?

— Он твой хозяин и, возможно, будущий муж.

— Я его не выбирала! — отрезала Ханар.

— Разве женщина может выбирать мужчину? — удивилась Белгин. — По-моему, бывает только наоборот.

— Наши женщины выбирали. И, случалось, даже убегали из племени со своими избранниками, если родители были против их брака. — Она помолчала, вспоминая просторы, где эхо человеческого голоса замирает высоко в небесах, а не мечется в тесных каменных стенах, а после заметила: — Я не понимаю, чему вы радуетесь?

Белгин задумалась. Безусловно, каждая из них хранила в своем сердце воспоминания о родине, боль от утраты которой так или иначе терзала душу. Однако ей было велено рассказывать новенькой о преимуществах жизни в гареме, и она постаралась это сделать, тщательно подбирая слова:

— Нас вкусно кормят, не нагружают тяжелой работой. Господин не груб и не жаден.

— За это я должна молиться на него? А этот толстый черный пес? Чего от него ждать?

— Ибрагим-ага[2] строг, но он не жалуется на нас понапрасну. А Эмре и вовсе безобиден.

В отличие от дородного Ибрагима, тонкий, как тростинка, с кожей, куда более светлой, чем у старшего евнуха, миловидным лицом, Эмре был застенчив и робок. Говорил всегда тихо, опустив глаза, даже если передавал приказания своего наставника. Девушки шутили с ним, но в меру: пусть и лишенный мужского естества, изначально он принадлежал к другому полу. Эмре то ли смертельно боялся Ибрагима, то ли был слепо предан ему, поэтому Ханар пока не знала, удастся ли ей как-то использовать его в своих планах.

— Вы где-нибудь бываете?

— Иногда нас водят на рынок, случается, катают по Сладким водам Азии[3]. Там можно увидеть биниш[4] — это очень красивое зрелище! В середине лета мы обычно уезжаем в загородный дом — там куда больше свободы! А однажды мы упросили Ибрагима-агу позвать настоящую гадалку, которая также слышит колдуньей.

— И о чем вы ее спрашивали?

— О том, которая из нас забеременеет первой и на ком женится господин.

Ханар издевательски расхохоталась, а после воскликнула:

— Вы же почти не сходите с места! Вы всего боитесь, ничего не видите и не знаете. Только без конца обсуждаете и перемалываете одно и то же, бездельничаете и едите сладости до тошноты!

Курдянка вскочила со скамьи. Ее ноздри раздувались, как у дикой лошади, а глаза возбужденно блеснули. Белгин молчала, потому что новая наложница была права. Из чего складывалось их существование? Намаз пять раз в сутки (с молитвами было строго, хотя едва ли при этом армянка и грузинка, прежде принадлежавшие к иной вере, вели себя искренне), обильная и вкусная еда, уход за кожей и волосами, примерка нарядов. Однообразные развлечения, томительное безделье и ожидание, вечное ожидание того, кого позовет к себе господин.

Все наложницы безропотно отдавались Ахмеду эфенди. Грузинка знала: у нее нет другого выхода. Черкешенка — потому, что страстно желала стать женой господина, а армянка, армянка делала это из страха. Что касается Ханар, то она смотрела на девушек, которые спали с одним и тем же мужчиной и при этом умудрялись как-то уживаться и общаться друг с другом, с нескрываемым изумлением.

После смерти Гюнай место законной супруги Ахмеда эфенди оставалось свободным, и наложницы считали, что его займет та девушка, которая первой подарит господину ребенка. Ханар слышала, что у хозяина дома есть взрослый сын, но она его ни разу не видела, потому что он никогда не заходил в гарем.

Бежать было трудно. Высокие стены, крепкие запоры, стоявшая у ворот охрана, да еще вездесущий Ибрагим и его тень — Эмре. И все-таки Ханар не теряла надежды. В гареме были служанки, Севда и Карача, тихие, бессловесные существа. Но они приносили с собой такой густой, ошеломляющий, вольный запах улицы, что у Ханар сжималось сердце и захватывало дух.

Тем временем приближалась ночь, когда господин мог приказать ей явиться в его спальню. Ханар сразу решила, что не дастся, хотя это могло иметь непредсказуемые последствия, ибо Ахмед эфенди привык к беспрекословному повиновению обитательниц гарема.

[1] То же самое, что эфиоп.

[2] Ага — начальник; составная часть наименований многих должностей и званий. Так уважительно называли и евнухов.

[3] Сладкие воды Азии — река на азиатском берегу Босфора, берега которой были излюбленным местом прогулок и отдыха жителей Стамбула.

[4] Биниш — традиционная прогулка султана по Сладким водам.

Глава девятая

В тот день, когда наложницам в очередной раз было позволено отправиться на рынок за покупками, девушки возбужденно перешептывались, хихикали и всплескивали руками. Они помогали друг другу застегнуть пуговицы энтари — богато вышитого, плотно облегавшего спину и расширявшегося книзу платья с длинными рукавами, узкими до локтя, а далее лишенными швов и открывавшими ткань гемлека, поправляли украшения и косы.

Гюльбахар была в красном энтари, обвитом белым шелковым кушаком, Зейнаб — в синем, с поясом из филигранных пластин, а Белгин — в обшитом золотистыми фестонами зеленом. Их кокетливые шапочки-фески украшал пестрый орнамент, отображавший все цветистое великолепие Востока, а тонкие и нежные, как лебяжий пух, вуали, какие носят только в Стамбуле, хотя и не прятали черт лица, но все-таки закрывали его до глаз.

После долгих сборов наложницы и евнухи ушли, и Ханар осталась одна. Если она и отправилась бы с ними, то лишь для того, чтобы попытаться сбежать, но ее, конечно, не взяли. Девушка томилась без дела. Ее чувства были смятенны, а мысли разрознены и тревожны.

Она бродила по саду, когда услышала незнакомые шаги и, быстро обернувшись, увидела приближавшегося к ней Ахмеда эфенди. Судя по всему, он решил воспользоваться отсутствием наложниц и слуг, чтобы поговорить с ней наедине. То была большая честь, но новая невольница этого не знала и потому ничего не поняла.

Вопреки ожиданиям, глаза Ханар не померкли от растерянности и боязни, а напротив, сверкнули, словно в предвкушении битвы. Казалось, дай ей коня, она перемахнет через ограду и поскачет по улицам, сметая на пути навесы и сбивая наземь людей. Она была не из тех, кто жестко привязан к одной роли, ее невзнузданное сердце и распахнутая душа не ведали страха. Ей была свойственна восхитительная и в то же время ставящая в тупик непредсказуемость.

Ахмед эфенди не привык зависеть от женских капризов и воли, если только ему не приходило желание поиграть на любовном ложе. Но и там он чаще всего был господином. Он стоял перед ней в смешной бархатной шапочке с кисточкой и хотя и домашней, но все же не лишенной украшений одежде, и, кажется, впервые не знал, что сказать женщине.

— Я слышал от Ибрагима, что твое обучение проходит успешно, — наконец произнес он.

Ханар могла бы заметить, что учиться только тому, чему хочет учиться, однако ответом послужил хмурый взгляд исподлобья. Она была колючей даже на вид: плотно сжатые губы, окаменевшие плечи, замершая в теле сила. Новая нарядная одежда смотрелась на ней нелепо и сидела плохо: девчонку не волновало, как она выглядит, и становилось ясно, что ее расположение не купить никакими подношениями.

— Ты понимаешь, что я тебе говорю? — На сей раз в голосе Ахмеда эфенди прорвалось раздражение.

Ханар вновь промолчала, и мужчина почувствовал, что его выставляют ослом. Где это видано, чтобы дикая девчонка подрывала нерушимый авторитет своего господина! Произнеся еще несколько фраз, Ахмед эфенди, резко повернувшись, ушел, и Ханар поняла, что может праздновать первую крохотную победу. Он не знал, как с ней обходиться и что с нею делать, он не имел против нее никакого оружия, кроме физической силы. Однако в спальне они будут вдвоем, а девушка знала, что отсутствие мускулов можно восполнить дерзостью, ловкостью, ногтями и зубами. Она была уверена в том, что Ахмед эфенди не сумеет ее одолеть.

Когда наложницы вернулись, гарем наполнился радостным гомоном. Диваны и ковры были завалены отрезами тканей, украшениями и безделушками. Гюльбахар примеряла нитку темных, как свернувшая кровь, рубинов, Зейнаб нетерпеливо вдевала в уши серьги с сапфиром под цвет собственных глаз, а Белгин с мечтательным видом разглядывала изумруды, такие же насыщенно зеленые, как луга ее родной Армении. Черкешенка злорадствовала, оттого что

Ханар не взяли за покупками и ей ничего не досталось, но курдянка выглядела непритворно равнодушной к драгоценностям и нарядам.

Поздним вечером комната была озарена мерцающим светом керосиновой лампы. Девушки сидели на ковре, и смазанные маслом волосы, окрашенные хной ладони, отполированные ногти, сияющие юные глаза черкешенки, армянки и грузинки несказанно украшали их облик. Слабое освещение скрывало недостатки, и наложницы походили на небесных дев, а само помещение напоминало внутренность выложенной бархатом и наполненной драгоценностями шкатулки.

Коротая время в ожидании зова повелителя, девушки по очереди рассказывали друг другу сказки. Нынешним вечером он задерживался: то ли был занят делами, то ли не мог определиться с выбором. Изредка случалось, что Ахмед эфенди проводил ночь один, но об этом должен был сообщить евнух. И лишь потом наложницам разрешалось разойтись по своим комнатам.

Рассказывать сказки предложила грузинка, в основном для того, чтобы пресечь стремление черкешенки отпускать колкости в адрес Ханар. Несмотря на новые украшения и наряды, Зейнаб была не в духе, недобро сверкала глазами и кривила губы. Возможно, она о чем-то догадывалась или что-то предчувствовала.

И хотя дочь степей воспринимала ее высказывания с поразительным хладнокровием, горянка не унималась, и после каждой истории следовало какое-нибудь язвительное замечание. Благо сейчас здесь не было ни Ибрагима, который немедленно велел бы ей замолчать, ни Эмре, могущего донести о непорядке старшему.

— Если она почти два десятка лет прожила, как собака, без молитв во славу Всевышнего, чего от нее ждать! Она из мира неверных, а цена им равна стоимости песка в пустыне.

— Перестань, — с тяжким вздохом промолвила Гюльбахар, — не надо ссориться. В конце концов, нам приходится жить под одной крышей.

— А я не хочу, чтобы она здесь жила! — воскликнула Зейнаб.

— Если не хочешь, — подала голос Ханар, — тогда помоги мне сбежать отсюда!

— Я бы с радостью распахнула перед тобой все двери, да только после меня зашьют в мешок и бросят в Босфор, — со смехом произнесла Зейнаб, обрадованная тем, что курдянка все же ввязалась в перепалку.

— Туда тебе и дорога.

Черкешенка не поверила своим ушам.

— Что ты сказала?!

— Что слышала. Да, я песок в пустыне, свободно носимый ветром, а ты мнишь себя драгоценным камнем, только этот камень хранится в запертом сундуке и будет лежать там, пока не потускнеет.

Зейнаб угрожающе растопырила пальцы, словно желая вцепиться в глаза соперницы, и тут порог комнаты переступил Ибрагим. Его черное лицо было мрачным, но не из-за цвета кожи, а нижняя губа угрожающе оттопырилась. Старший евнух неодобрительно относился к тому, что господин выбирает женщин разных народностей, которые даже думают каждая на своем языке. Попробуй взять человека, который вырос у воды, и переселить его в пустыню! С последней наложницей было особенно много хлопот, поскольку та успела надышаться вольного степного воздуха.

Ибрагим служил еще у отца Ахмеда эфенди и, что называется, достался последнему в наследство. Евнух ценил, когда к нему обращались за советом, потому не далее как сегодня, в ответ на вопрос господина веско произнес:

— Ханар хорошо учит язык, плохо усваивает манеры, но суть не в этом. Она не привыкнет. Дикая.

— Другие привыкали, — возразил Ахмед эфенди и небрежно заметил: — Куда подевались твои способности, Ибрагим? Ты постарел?

Сдержав обиду, евнух вновь заговорил о новой наложнице:

— Другие девушки жили, не покидая дома. Курдянка другая. Она привыкла перемещаться, идти вслед за солнцем и звездами. Она вечная странница и останется ею. Для нее жизнь не стоит на месте, развивается не по тем законам, к которым привыкли мы.

— Она — женщина, — заметил господин.

— В данном случае это не имеет значения.

Ахмед эфенди усмехнулся.

— Почему ты такой умный, Ибрагим? Отсутствие кое-чего между ног прибавляет тебе мозгов?

Абиссинец столько раз слышал подобные слова, что они уже не были способны его оскорбить.

— Просто я многое повидал.

— Ты всю жизнь провел в гареме.

— Я смотрел не вдаль, а вглубь. Но и я знаю далеко не все. Гарем — это вечная тайна. Никогда не угадаешь, что там происходит на самом деле.

Господин нахмурился.

— Значит, ты признаешь, что не сможешь сломать Ханар?

— Женщин не ломают, господин, их взращивают и лелеют, как цветы.

— Я приму твой совет и воспользуюсь им нынешней ночью, — развязно произнес Ахмед эфенди. — Что толку обучать ее дальше, если она все равно не изменится. Я не намерен ждать. Можешь не готовить ее для ложа. Пусть пахнет степью, необузданностью, дикостью. Тем, за что я ее и купил.

Евнух помедлил, прикидывая, чем он рискует, если скажет правду, потом все же решился:

— А если вы с ней не сладите?

Хозяин вперил в него холодный и властный взор.

— Я еще не встречал женщины, с коей бы не сумел справиться мужчина. Такое возможно только в легендах и сказках, где в руки слабого пола попадают волшебные предметы.

Поскольку Ибрагим молчал, Ахмед эфенди раздраженно произнес:

— Если я ее продам, то тем самым признаю свое поражение.

Евнух решил, что на старости лет ему не видать покоя, о котором он мечтал. Однообразная, размеренная жизнь в гареме была возможна с тремя другими наложницами, но только не с Ханар.

— Эта девушка способна внести смуту в гарем. Зейнаб бесит одно ее присутствие.

Хозяин рассмеялся.

— Так веселее жить! Пусть в наложницах заиграет кровь, не то они застоялись, как лошади в конюшне. Зейнаб получит свое в моих объятиях. А пока заставь ее замолчать.

Поняв, что ему не удастся переубедить господина, Ибрагим отправился исполнять приказание. Обычно старший евнух не утруждал себя тем, чтобы позвать к Ахмеду эфенди очередную наложницу, — это делал Эмре, но сегодня Ибрагим сам явился в покои девушек и заявил:

— Ханар, господин хочет видеть тебя. Можешь не наряжаться и не причесываться.

Остальные наложницы онемели. Они посвящали кучу времени уходу за телом и выбору подходящей одежды, тогда как эту девчонку господин был готов взять как есть!

Тишину прорезал голос курдянки:

— Я никуда не пойду.

— Господин хочет тебя.

— Зато я его — нет.

— Он купил тебя.

— Я не вещь.

Ибрагим запаниковал. Если он не сумеет привести Ханар в покои Ахмеда эфенди, его репутация идеального слуги будет поставлена под угрозу. Старший евнух привык приказывать девушкам, а просить не умел: это подорвало бы то единственное достоинство, какое ему оставила судьба. Даже в султанском дворце многое держится на евнухах, умеющих и проследить за кем надо, и вовремя шепнуть нужное словечко, а уж в маленьком гареме Ахмеда эфенди Ибрагим и подавно чувствовал себя царьком.

Когда он повернулся и вышел, Зейнаб расхохоталась до слез. Неожиданное развлечение! Скандал в гареме! Будет на что посмотреть!

— Тебе конец! — заявила она курдянке. — Ибрагима тоже накажут. Так ему и надо: это собьет с него спесь!

В комнату вошел обладавший грацией танцора, легконогий и стройный Эмре в желтых шальварах, белой муслиновой рубашке, шитой по вороту жемчугом, и парчовом жилете. Золотой цвет красиво оттенял его ореховую кожу, но юношу портила маска покорности, вечной готовности к повиновению, застывшая на миловидном лице.

Осторожно взяв Ханар под локоть, он вывел ее в соседнее помещение. Поскольку Эмре был на удивление ненавязчивым, деликатным, она не стала противиться. Такими оказались и его речи.

— Прошу тебя пойти со мной. Если ты этого не сделаешь, у Ибрагима-аги будут большие неприятности.

— Какое мне до него дело?

— Пожалей его, — прошептал Эмре.

— Мне жаль не Ибрагима, а свою мать, которая не знает, где я и не может меня обнять! — отрезала Ханар.

— Ахмед эфенди все равно добьется своего. При этом попадет всем. Сопротивление бесполезно. Умоляю тебя, покорись судьбе! Иначе будет хуже.

Ханар смерила его взглядом.

— Ты покорился?

В глубине черных глаз юноши блеснула прежде гасимая печалью непонятная искра.

— А что мне остается?

— Значит, я, женщина, должна защищать мужчин от хозяйского гнева? — с усмешкой промолвила Ханар, и Эмре тихо напомнил:

— Я не мужчина. Я евнух.

Курдянку охватило странное чувство. Ей стало жаль не Ибрагима, а именно Эмре. Она не знала, почему его настигла такая судьба. Наверное, у нее все-таки был выбор. А вот у юного евнуха его, похоже, не осталось.

— Хорошо, — ответила девушка, — я пойду. Ты прав, к чему пытаться убежать от судьбы? Если она предлагает мне схватиться с ней сейчас, так тому и быть.

Когда Эмре увел Ханар, Зейнаб набросилась на остальных наложниц:

— Чего вы молчите?! Ты, — она ткнула пальцем в Гюльбахар, — холодная, как змея, а ты, — черкешенка кивнула на Белгин, — глупая и трусливая, как овца! А та и вовсе грязная дикарка! Только я смогу занять место законной жены моего господина!

Грузинка и армянка молчали. Первая понимала, что в данном случае слова бесполезны, а вторая вспоминала свою первую ночь с почти незнакомым, а главное — нелюбимым мужчиной. Что Белгин могла сказать Ханар? Что, в конце концов, все это можно стерпеть, особенно зная, что господин редко проводит с одной и той же наложницей две ночи подряд? Что скуку

можно заедать сладостями — тогда она не покажется такой горькой, а тоску разгонять блеском и звоном украшений?

В это время Ханар переступила порог спальни господина, а Эмре, поклонившись почти до земли, задержав за ней занавеску и быстро исчез. Ахмед эфенди смотрел на девушку через комнату. Он лежал на постели, в небольшом круге света, за пределами которого комната тонула во тьме. Ханар не двигалась и не произносила ни слова.

— Ты желаешь властвовать, а не покоряться? — промолвил Ахмед эфенди. — А тебе не приходило в голову, что женщина может царствовать на ложе? Покажи, на что ты способна.

Девушка нахмурилась.

— Я не собираюсь ничего делать. Я явилась сюда не по своей воле.

— Знаю. По моей. Подойди ближе.

— Мне хорошо слышно отсюда.

— Я позвал тебя не для разговоров.

Ахмед эфенди начал терять терпение. Он никогда не уговаривал женщин: это было обязанностью евнухов. Похоже, Ибрагим напрасно ест свой хлеб!

Впрочем, абиссинец предупреждал. Предупреждал, что он, Ахмед эфенди, мужчина, коему Аллах изначально дал власть над женщиной, не справится с девчонкой, с ее силенками полевой мыши и умишком плоским, как степь, по которой кочевало ее дикое племя!

Резко поднявшись с ложа, он схватил ее за руку и сжал. Ханар затрепыхалась. Его рука была сильной, и она не могла вырваться. Девушка видела, как в глазах мужчины, возомнившего себя ее хозяином, зажглось торжество, как вздулась жила у него на лбу и задергались губы. В следующий миг по дому разнесся рев, схожий с ревом смертельно раненого дикого зверя. Ханар вцепилась в руку господина зубами и не разжимала их до тех пор, пока Ахмед эфенди со всей силы не ударил ее кулаком по голове.

Глава десятая

Над городом разносился призыв муэдзина. И Айнур, и Айше любили первую молитву, когда чудилось, будто звук голоса, доносящегося с вершины ближайшего минарета, вливается прямо в душу, до предела обостряя чувства и словно открывая в ней некие потайные двери.

Шуршал молитвенный коврик, чело касалось пола, губы тихо повторяли привычные слова. Минуты будто вмещали в себя тысячелетия, а слово Аллаха оставляло в сердцах невидимый отпечаток истины и любви. После смерти отца брат и сестра всегда молились вместе. Потом Айше варила кофе, и они молча пили его, наблюдая в окно, как занимается рассвет, спадает туман, солнце встает над куполами мечетей, и прежде казавшиеся серыми холмы на глазах одеваются зеленью. Потом Айнур собирался на службу, а Айше оставалась дома.

В середине июня султан Мустафа IV был коронован, а сын Юсуфа Хамида эфенди приступил к своим новым обязанностям. Они были несложными, и иногда Айнуру казалось, что эта служба придумана Ахмедом эфенди специально для него. Это было унижительно, но юноша уговаривал себя потерпеть.

Когда Ахмед эфенди сказал, что дом остается за ними, Айнуру ничего не оставалось, как поблагодарить его. После того, как он получил первое жалованье, они с сестрой смогли нанять служанку, женщину, недавно пришедшую из деревни. Домашних дел было немного, но девушке из благородного семейства не пристало заниматься грязной работой и одной ходить на рынок.

Айнур понимал, что Айше скучает, но он не знал, как и чем оживить ее дни. Иногда юноша навещал Энвера, который успешно поправлялся, но еще не вполне выздоровел. Он был искренне рад видеть своего спасителя. Айнура так и подмывало спросить о новой наложнице Ахмеда эфенди, но это было немыслимо. Личная жизнь правоверного есть его личная жизнь. Мужчина, не соблюдающий приличий, не следующий правилам и нормам ислама, преследует низменные цели, порочит себя и свою родню.

В свою очередь Энвер, которому хотелось разузнать, как поживает Айше, тоже не знал, как это сделать. Сестра — не жена, о ней можно спросить, но юноша не знал, чем объяснить свой интерес к почти незнакомой девушке. Так они и сидели друг против друга, томясь каждый своим тайным желанием. А потом Айнуру пришла в голову одна мысль.

Айше давно говорила, что тоже хочет приносить какую-то пользу, кроме работы по дому. Говорила печально и грустно, как о чем-то несбыточном. Брат подумал о том, что если сможет исполнить желание сестры, то, возможно, сделает ее счастливее. А заодно достигнет собственной цели. Айше в самом деле хорошо вышивала. Это занятие считалось благородным, оно приветствовалось даже в султанском дворце. Вышивкой украшалось буквально все: одежда и обувь, головные уборы, чехлы для Корана, кошельки, кисеты и сумки, простыни, подушки и занавеси. Существовало множество способов вышивания, и Айше с успехом овладела многими из них.

В очередной раз встретившись с Энвером, Айнур со смущением произнес:

— Моя сестра ищет возможность немного подработать. Она умная девушка, и ей скучно дома. Айше великолепно вышивает и будет рада выполнить чей-то заказ. Вы не знаете приличных людей, к которым она могла бы обратиться?

С трудом сумев скрыть радость, Энвер осторожно произнес:

— В гареме моего отца четыре наложницы. Мне кажется, они заинтересуются таким предложением.

Сердце Айнура возбужденно забилося.

— О, это было бы неплохо!

— Я спрошу, а потом скажу вам.

В тот день деревья для обоих молодых людей зеленели ярче, птицы пели громче, а воды пролива сверкали, как волшебное зеркало, в коем можно разглядеть свою судьбу.

Энвер решил не обращаться к отцу: в последние дни тот ходил раздраженный и злой. Подкараулив Ибрагима, юноша изложил свою просьбу. Евнух знал: заручиться чьей-то поддержкой никогда не бывает лишним (особенно в свете последних событий, когда новая наложница искусала хозяина), потому охотно рассказал девушкам о предложении молодого господина. Как и следовало ожидать, наложницы пришли в восторг. Появление любого постороннего лица в гареме было сродни глотку свежего воздуха. Ахмед эфенди, не подозревавший о том, что вышивальщица — сестра Айнура, тоже не стал возражать.

Айше очень обрадовалась. Для нее это было вроде выхода в свет. Впервые сняв траур после гибели отца, юная турчанка облачилась в расшитые жемчугом одежды цвета зари, сложила в мешок образцы вышивки и, позвав служанку, направилась к дому человека, которому отныне служил ее брат.

Айше шла под кронами каштанов с величавыми бугристыми стволами и мощными ветвями, смыкавшимися над головой изумрудным шатром. Недавно поднявшееся солнце нежно сияло, подобно молодому рубину, а волны залива катили волны, словно колеблемые чьим-то мягким дыханием. Звуки, даже далекие, раздавались четко, точно удар кузнечного молота, прозрачные, длинные тени протянулись в разные стороны, будто чьи-то призрачные руки.

Ибрагим провел молодую турчанку в гарем. Нложницы Ахмеда эфенди отнеслись к ней приветливо и с любопытством разглядывали вышивку в виде падающих звезд, каракуля, чешуи, бухарскую вышивку и вышивку чини, изделия, расшитые шелковыми или металлическими нитями, а также тесьмой. Гюльбахар, Зейнаб и Белгин завалили Айше заказами, и она обещала прийти через неделю и принести часть работы.

Айнур не мог дожидаться, когда сестра вернется домой. Она поставила перед ним тарелку с его любимой похлебкой из бараньей требухи с лимоном, но молодой человек думал не о еде.

— Тебе понравился дом Ахмеда эфенди? — спросил он.

Айше тоже было интересно об этом поговорить.

— Это очень приличный дом и, похоже, женщинам там хорошо. Они нарядные и веселые. Но матери Энвера эфенди среди них нет.

— Она умерла.

— Вот как?

Айше прикусила губу. Она не знала, почему до сих пор тайком вспоминает этого юношу. Потому ли, что он был первым из посторонних мужчин, кого она увидела так близко и с коим сумела перемолвиться словом? В таком случае это всего лишь иллюзия. Впрочем, все, относящееся к чувствам, было иллюзией, потому что в этом мире женскую судьбу определяют отнюдь не они.

— И сколько их?

— Нложниц? Сперва я подумала, что три, но оказалось, их четверо. Одна из девушек ведет себя не так, как другие. Она сидела в углу, завесив лицо волосами, и молчала. Может, она больна?

Айнур с трудом скрыл охватившее его волнение.

— Ты можешь о ней разузнать? Кто она? Откуда? Почему так себя ведет?

Айше насторожилась. Это было по меньшей мере странно. Интересуясь чужой женщиной, брат бросал вызов писаным и неписаным законам. Подумав о том, что им без того хватило неприятностей, она натянуто произнесла:

— Зачем тебе это?

Айнур замялся. Он не собирался раскрывать свои сердечные тайны даже любимой сестре.

— Мне кажется, Ахмед эфенди не совсем тот, каким хочет казаться. Благородство, порядочность, доброта — это только фасад.

— Большинство людей из нашего окружения закрыли перед нами двери. А он — человек из другого лагеря — помог нам избежать ссылки, отстоять дом и дал тебе работу, — заметила Айше.

Юноша поморщился. Сестра рассуждала, как человек, не умеющий заглянуть в глубину явлений, а видящий только то, что лежит на поверхности. С другой стороны, женщины в этом не виноваты. Аллах дал им только две обязанности: заботиться о муже и воспитывать детей. Для этого надо быть добродетельной, но не обязательно обладать дальновидностью. В конце концов, затем, чтобы объяснять женщинам суть вещей, существуют мужчины.

— Все не так просто. Мы не знаем, какие цели он преследовал.

Айше пожала плечами.

— Он хотел отблагодарить нас за спасение сына. Полагаю, при этом он рисковал. Многие способны осудить того, кто пригласил человека из стана врага.

Неожиданно Айнуру сделалось стыдно.

— Получается, теперь я за султана Мустафу?

— Ты нигде не заявлял об этом.

— Но я служу его человеку! И я вообще ни о чем не заявлял. Повел себя, как шакал, трусливо поджавший хвост!

Айше вздохнула. Любому из смертных, каждой звезде на небе, мельчайшей травинке предначертан свой, зачастую жестокий путь. Мудрые люди ничего не ставят на волю случая, однако порой Всевышний проявляет милосердие и позволяет кораблю судьбы отклониться от курса. У них с братом не было никакого выхода, но в последний миг Аллах перекинул мостик в будущее, мостик, по которому не пошел бы лишь последний глупец.

— Я понимаю, что твоя гордость уязвлена, но ты не должен терзаться. Нужно подождать и посмотреть, что получится. Так зачем тебе знать о той странной наложнице?

— На рынке рабынь Ахмед эфенди заинтересовался девушкой, которая показалась мне необычной, непохожей на остальных. Мне интересно, купил он ее или нет.

— А что там делал ты? — удивилась Айше.

Айнур покраснел.

— Я следил за Ахмедом эфенди. Это вышло случайно. Я хотел сказать ему, что готов принять его предложение, но не знал, как это сделать.

— Но причем тут наложница?

— Она выглядела непокорной, а Ахмед эфенди привык к повиновению. Я подумал, что он может плохо отнестись к ней, и твои слова подтверждают это.

— Айнур! Ты говоришь о чужой женщине!

Айше выглядела потрясенной до глубины души. За такое рубили мечом и жгли каленым железом. Брат был далеко не единственным человеком в Османской империи, чьи оспаривающие реальность мечты приводили к гибели. Что же делать?! В голову пришла спасительная мысль о том, что, откликнувшись на просьбу брата, она таким образом сможет контролировать ход если не его мыслей, то хотя бы поступков, и тем самым, возможно, сумеет уберечь его от беды. Отчасти она понимала Айнура. После гибели отца в груди каждого из них поселился мертвый холод и острое, словно лезвие клинка, отчаяние. Чтобы избавиться от всего этого, нужны были свежие впечатления, глоток счастья. Поэтому, когда Айнур с досадой произнес «ладно, забудь об этом», Айше ответила:

— Хорошо, я сделаю, как ты хочешь, и постараюсь что-нибудь разузнать о новой наложнице Ахмеда эфенди.

Глава одиннадцатая

В следующий раз Айше отправилась в гарем Ахмеда эфенди без сопровождения. У служанки умер отец, и она уехала в свое селение на похороны. Несмотря на то, что появляться на улице одной было не совсем прилично, Айше решила выполнить обещание, данное ею наложницам Ахмеда эфенди, сложила работу в изящно вышитый мешок и вышла из дома.

Янычары заметно поутихли, и в городе воцарилось относительное спокойствие. Был день, а днем демоны спят, как и лихие люди. Обычно, когда турчанка шла по улице, вокруг нее образовывалась пустота: дабы не нарушать законы Корана, мужчины старались обойти чужую женщину стороной. Поэтому Айше страшно испугалась, когда в ближайшем к дому Ахмеда эфенди застроенном домами тесном переулке ей преградил дорогу мужчина, точнее, юноша. Она выронила мешок и прижала руки к груди.

Энвер остановился. Внезапно все его красноречие обратилось в немоту. Между тем он хотел сказать, что когда ночь рождает звезды, он видит в них глаза Айше. Что ее красота способна излечить смертельно больного и даже поднять на ноги мертвого. Молодой человек жадно вглядывался в прикрытое полупрозрачной вуалью лицо. Ресницы Айше подрагивали, будто крылья мотыльков. Ее глаза напоминали два ярких оникса, а лоб был белым, как молоко, и округлым, словно жемчужина.

Девушка украдкой поглядывала на окна домов. Ей чудились осуждающие, суровые взгляды. Если ее застанут беседующей с мужчиной, ее репутации, ее чести придет конец. Энвер тоже это понимал. К сожалению, в их мире любящий человек вынужден становиться беглецом, постоянно спасающимся от догмы морали. И вместе с тем, хотя Аллах повелел соблюдать правила приличия, он же завещал воздавать должное любви.

— Это вы?! — прошептала Айше.

Энвер поднял оброненный девушкой мешок и неловко протянул ей.

— Да, я. Простите меня!

Она не знала, что ответить, потому решила прибегнуть к обычной вежливости.

— Как ваше здоровье?

— Со мной все в порядке, — сказал Энвер.

Его жизненные силы в самом деле возвращались и крепили. Оставалось решить, на что их использовать.

— Простите меня, — повторил он, — я знаю, что это безумие, но у меня нет другого выхода. Я рад, что вы меня помните. Это дает мне надежду. Я не смею вас задерживать и хочу попросить об одном: если в ближайшее время к вам посватаются, подождите с ответом.

Поняв, что он имеет в виду, Айше залилась краской. Она подумала о том, что в этом случае Энверу уместнее обратиться к ее брату, но с другой стороны, для начала он желал убедиться в ее согласии. Девушка знала, что сватовство, переговоры, подготовка к свадьбе занимают много времени. Однако, похоже, чувства вспыхивают мгновенно.

— Хорошо, — прошептала Айше.

Энвер поклонился, и в этом поклоне выразилось все благородство, вся порядочность, а также скрытая пылкость его натуры.

Несмотря на тайную радость, Айше ощущала себя отступницей. Она смогла перевести дыхание, лишь очутившись в гареме. В окружении щебечущих, как птички, прелестных, как бабочки, наложниц Ахмеда эфенди ее совесть поутихла. Девушки остались довольны ее работой. Они относились к вышивальщице с уважением, потому что та была турчанкой и родилась в Стамбуле, тогда как они принадлежали к другим народностям и были пришлыми.

Сегодня обитательницы гарема Ахмеда эфенди вели себя бойчее и засыпали Айше вопросами. С кем она живет, просватана ли она? Девушке приходилось тщательно обдумывать

ответы и выбирать выражения. Четвертая наложница не показывалась, поэтому Айше не знала, как о ней спросить. Не было никакого предлога: она не могла придумать, чем объяснить свой интерес.

Пообещав прийти через несколько дней и простившись с обитательницами гарема, Айше вышла в сад. Когда она, ничего не подозревая, шла к воротам, из кустов выскочила девушка и вцепилась в ее рукав.

— Прошу тебя, помоги!

Незнакомка говорила с неизвестным Айше акцентом. Ее волосы раскосматились, словно грива дикой кобылицы. Взгляд чуть раскосых глаз странным образом завораживал. На лице виднелись синяки, и это испугало турчанку. Она не знала мужчин, которые били женщин, как не была знакома с женщинами, настолько непокорными, что им требовалась твердая рука. Однако эту девушку наверняка избил ее господин. Обитательницы гарема не имели возможности подраться между собой, потому что их немедленно остановили бы евнухи.

— Отпусти меня! Чем я могу тебе помочь?!

— Тебе позволено свободно входить в этот дом и выходить из него. Придумай способ меня выручить! Мне надо вырваться отсюда.

— Тебя обижают?

— Дело не в этом. Я хочу домой.

— А где твой дом?

— В степи.

— Как тебя зовут?

— Ханар.

Айше поняла: это была она, та самая наложница, о которой говорил ее брат. Девушка воздала должное вкусу Айнура: дикарка была существом, созданным причудливой волей Аллаха, она блистала красотой не ограненного алмаза, ее переполняли жизненные силы. Однако в ней был один существенный изъян, затмевавший все достоинства. Айше чувствовала — эта степнячка вольно или невольно способна доставить большие неприятности каждому, кто встретится у нее на пути.

— Судьба привела тебя в гарем. Такова доля каждой женщины.

— Мое тело принадлежит мне, а не мужчинам. Только я вольна выбирать, с кем мне быть, — ответила дикарка.

— Но я не знаю, как тебя освободить. Это чужой дом, к тому же тебя схватят в первом же переулке!

— Говорю тебе, надо что-то придумать!

У Ханар был горящий, неотступный, влекущий взгляд, от которого Айше пробрала дрожь. Нельзя допустить, чтобы пути этой дикарки и Айнура пересеклись. Это его погубит.

Увидев, что навстречу идет Ибрагим, курдянка нырнула обратно в кусты, а Айше с облегчением вздохнула. Она решила не рассказывать брату об этом странном разговоре, как и о встрече с Энвером. И в первом, и во втором случае Айнур потеряет голову и вспыхнет, как сухой тростник от случайно упавшей искры. Перед Айше стояли две важные задачи: сохранить свою собственную тайну и уберечь брата от беды.

Она шла домой, опустив голову, не видя ни сверкающих куполов города, ни сияющей ленты Босфора. Она смотрела в себя, прикидывая, как ей быть. Дома Айше занялась делами. Это успокаивало и прогоняло дурные мысли. Она испекла хрустящий, покрытый потрескавшейся корочкой, посыпанный кунжутом ароматный хлеб, выложила на блюдо кусочки вяленого мяса — бастурму, а также брынзу и молодой чеснок. Хотя они жили богато и у них всегда были слуги, отец не позволял им с Айнуром бездельничать, и теперь Айше умело и с удовольствием вела хозяйство.

Айнур не вошел, а ворвался в дом: ему не терпелось знать новости.

— Я видела ее. Она дикарка, — сдержанно произнесла сестра.

— Да, я говорил тебе. Это и покорило меня. Как ее зовут?

— Кажется, Ханар.

Юноша мечтательно улыбнулся. В ее имени было что-то от степных трав с их резким, пьянящим, щекочущим ноздри запахом. А еще — от криков хищных птиц, парящих в вышине неба, стука копыт лошадей, бегущих по огромной равнине. В нем таилось нечто древнее, дикое, непознанное, опасное.

— Я купил бы ее тогда, если б у меня были деньги.

Айше ахнула.

— Но зачем она тебе? К тому же теперь ты ничего не сможешь сделать. Девушка принадлежит Ахмеду эфенди.

— Мне кажется, она никому не принадлежит.

— Если даже ей так кажется, это ничего не меняет. О чем ты думаешь, Айнур? Разве отец, будь он жив, одобрил бы это? Ты должен жениться на турчанке, девушке нашего круга.

— Никто не отдаст за меня свою дочь, — мрачно заявил юноша и тут же добавил: — Возможно, это и к лучшему.

Айше похолодела. Она подумала о том, что Ахмед эфенди наверняка откажет сыну, если тот решит посвататься к ней. Хотя они с братом не совершили ничего дурного, в глазах общества их имя опорочено, как и имя их казненного отца. Вот чем в первую очередь стоит заняться Айнуру: восстановить справедливость! А между тем он думает лишь о любви и о мести.

— Значит, меня тоже никто не возьмет замуж. К тому же теперь я бесприданница.

— Богатство женщины — ее красота и добродетель. А у тебя с лихвой и того и другого.

Айше улыбнулась. Страстный взгляд Энвера тоже подтверждал, что она красива. Наверное, главное — это верить, что ты можешь быть счастлива в этом мире, мире запретов, интриг, необъяснимой жестокости и тупой покорности, в мире, где женщина является всего лишь тенью мужчины.

Глава двенадцатая

Ахмед эфенди был вне себя. Придирался к наложницам, орал на Ибрагима, а однажды запустил в Эмре чашкой. Гюльбахар без толку уговаривала Ханар покориться, Зейнаб торжественно издевалась над ней, а Белгин жалела. Хотя Ахмед эфенди избивал курдянку, но овладеть ею не мог. Если речь шла о борьбе волей, то Ханар всегда побеждала. И тогда он решил прибегнуть к средству, какое порой применяли торговцы живым товаром для укрощения упрямых рабынь.

На Стамбул опустилась ночь. Выплыл узкий, напоминавший серебряное лезвие месяц, и повис на небе. Освещенные купола дворцов белели на фоне черных холмов, словно белая кость, воды пролива сверкали серебром, будто отражая Млечный Путь, а зеленые и красные огоньки бакенов, казалось, перемигивались между собой.

Ханар лежала в выделенной ей комнате, прислушиваясь к биению своего быстрого трепетного сердца, похожего на заточенную в клетку птицу. Где-то там, в чернильной темноте, в безбрежном океане мира, под мириадами мерцающих звезд, похожих на груды тлеющих угольков, жила и дышала степь, дышала полынным духом и... свободой. Шатры и костры, пасущиеся животные были ее частью. И даже находясь здесь, в гареме, Ханар тоже принадлежала степи, а отнюдь не чужому мужчине.

В этот час другие наложницы уже отдались на милость сладких сновидений. Их распущенные волосы темным шелком разметались по подушкам, от тел шел аромат розовой воды, на лицах застыло безмятежно спокойное выражение. И только Ханар еще не сомкнула глаз. Этой ночью Ахмед эфенди не позвал к себе ни Гюльбахар, ни Зейнаб, ни Белгин. Значит, прикажет явиться ей.

В это время Ибрагим угрюмо сообщил Эмре:

— Господин решил чем-то напоить Ханар. Когда она уснет, мы перенесем девушку на его ложе, и он, наконец, лишит ее невинности. Ахмед эфенди полагает, что это сломает дикарку, заставит ее покориться.

— А вы? — тихо спросил Эмре.

— Я против насилия. Это не поможет. Ханар не создана для украшения опочивальни и развлечения господина.

— Надо отговорить его!

— Я пытался, но он слишком зол. И слеп. Мы не сумеем помешать.

— Но это ужасно!

— Это не наше дело. И твоя, и моя судьба слишком хрупка и неверна. Она всецело зависит от расположения господина. Придется послушаться. Возьми чашу, налей чаю и как следует подсласти. Добавим туда настойку, и ты дашь ей выпить.

— Почему я, Ибрагим-ага?! — Эмре невольно отшатнулся.

— Потому что она тебе доверяет.

— Она не доверяет никому.

— И все же тебе больше, чем мне. Сделай вид, что в очередной раз пытаешься ее уговорить. Потом, как бы между прочим, предложи чай. Не получится сегодня, отложим на завтра. Я попросил Ахмеда эфенди дать нам время. Но все же хозяин ждет, поэтому будет лучше, если мы выполним поручение как можно скорее.

У Эмре в буквальном смысле слова подкашивались ноги. В свое время Ибрагим спас его от позорной участи, и принявший юношу на службу Ахмед эфенди тоже способствовал этому. Молодой евнух поклялся быть преданным этим людям. Дикарка же была для него никем. И все же он ей сочувствовал.

Эмре впервые видел человека, безразличного к золоту, равнодушного к уюту, не привязанному ни к мягкой постели, ни к нарядной одежде, ни к вкусной еде. Тем более речь шла о женщине. У Ханар был взгляд свободного человека, горячая кровь и бесстрашное сердце. У Эмре тоже имелось сердце, пусть далеко не такое храброе. И совесть. Он не мог позволить Ахмеду эфенди вот так, ни за что ни про что надругаться над девушкой. Как потом смотреть ей в глаза?!

Перед тем как направиться к Ханар, Эмре взял запасной ключ от задней калитки сада, надеясь, что сумеет вовремя вернуть его на место, и прошептал:

— Простите меня, Ибрагим-ага!

Сознание того, что он, слабый человек, способен помочь сильному, придала ему решимости.

В окна комнаты Ханар залетал ночной ветерок, играя с занавесками, точно с парусами корабля. Курдянка всегда спала с открытыми окнами, чтобы хотя бы так сохранить иллюзию свободы. Ее глаза были распахнуты, в их зоре виделась готовность к новой борьбе, пылал воистину звериный огонь. Она не знала, что в эту ночь Ахмед эфенди без труда справится с ней.

— Тебя хотят чем-то опоить, — быстро произнес Эмре. — Я не могу этого допустить. Идем. Я тебя выпущу.

Такие вещи Ханар не надо было повторять дважды. Стремительная и бесшумная, она вскочила с ложа. Эмре прихватил вуаль — без нее девушке нельзя было передвигаться по городу, — а об остальном даже не подумал. Сад раскинулся до самой ограды. Буйно цвели ранние розы, наполняя воздух сладким ароматом. В глубине сада журчал фонтан, и стояла увитая плющом беседка. Эмре прислушался. Похоже, на тропинке, ведущей к задней калитке, никого не было.

— Спрячься где-нибудь до утра. Затаись. Когда выйдешь на улицу, не снимай покрывала. Больше я ничем не могу тебе помочь.

Ханар посмотрела на Эмре таким взглядом, каким не одаривала еще никого.

— Спасибо!

Скользнув в проем, она исчезла во тьме. Евнух запер калитку. Исчерченная темными тенями дорожка была вымощена плиткой — следов не останется. Повесив на место ключ и немного подождав, Эмре направился к Ибрагиму.

— Ну что? — сразу спросил тот.

— Ага, я не выполнил поручение.

— Почему?

Ответ дался юноше с трудом:

— Ханар нигде нет.

— Что значит, «нигде»? Нет в ее комнате?

— Я поискал в саду. Везде тихо. Я не знаю, где она могла укрыться.

— В комнатах других девушек?

— Посмотрел. Все спят.

Темное лицо Ибрагима исказилось от страха.

— Если мы не найдем ее, нам конец!

Для Эмре не было секретом, что доля евнухов притворяться, хитрить, выкручиваться, лгать, что без этого им не выжить среди считавшихся «полноценными» мужчин, но по-настоящему он осознал это только сейчас.

— В чем мы виноваты? Мы ее не прятали!

— Ахмед эфенди не станет спрашивать, в чем. Просто накажет! Давай, пошли искать!

Проклиная тот миг, когда Ханар появилась в доме, Ибрагим слез с ложа. Вместе с Эмре они обошли территорию гарема. Светя фонарями, обшарили все закоулки сада, осмотрели

беседку, заглянули в фонтан. Разбудили наложниц и расспросили их, а также стражу по ту сторону ворот. Разумеется, девушки ничего не видели, а охрана никого не выпускала. Оставалась задняя калитка, но она была высокой; не решетчатой, а обитой железными листами, и ее верх был утыкан остриями. Едва ли Ханар сумела перелезть через нее, равно как перепрыгнуть ограду. Ключ от калитки висел там, где он висел всегда, и войти в это помещение могли только евнухи или хозяин.

Ибрагим выглядел постаревшим на десять лет. Эмре терзался из-за своего поступка, но он уже не мог ничего исправить. Оставалось только одно — продолжать лгать.

— Что сказать Ахмеду эфенди?

Кажется, впервые старший евнух спрашивал совета у младшего.

— Не лучше ли подождать до завтра? — предложил Эмре. — Когда хозяин уйдет на службу, осмотрим дом еще раз.

— Неужели тебе не ясно, что она удрала? С утра можно было бы организовать поиски в городе, пока она не успела далеко уйти. Если промедлим, а господин узнает, что Ханар пропала еще вечером, он нас убьет.

— Он не узнает.

— Женщины могут проболтаться. Особенно Зейнаб.

— Я попрошу ее молчать.

Ибрагим покачал головой.

— Она не согласится. Черкешенка давно желала насолить Ханар. И мне.

— Зачем ей это?

— Она мечтает сделаться госпожой. Чтобы приказывать. Чтобы я кланялся ей. Раскрыв наш секрет, она возвысится, а я буду уничтожен. Ладно, — евнух махнул рукой, — иди, отдыхай. А я доложу хозяину.

На глазах Эмре заблестели слезы благодарности и раскаяния.

— Нет, Ибрагим-ага, пойдем вместе!

Абиссинец внимательно посмотрел на юношу.

— Я старший в гареме, мне и отвечать. А ты еще успеешь получить свою долю унижений от хозяев.

— Ибрагим-ага, для меня нет большего унижения видеть, как унижают вас!

— Вот и не увидишь. Я приказываю тебе удалиться. Ступай.

С этими словами абиссинец тяжелой походкой направился в покои хозяина. Разумеется, разразился скандал.

— Что значит, исчезла? — повторил Ахмед эфенди. — Просочилась сквозь стены?

— Не знаю. Мы ее не нашли, — выдавил Ибрагим.

— А до этого вы где были?! Ты дрых? А мальчишка? Два проклятых скопца упустили девочку! Разве не твоя обязанность денно и ночно следить за тем, что творится в гареме!

Евнух втянул голову в плечи.

— Моя, господин. Но мы давно убрали все лестницы и подставки. А без них она бы не влезла на стену.

— Значит, ее кто-то выпустил. Охранник у главных ворот?

— Он все отрицает. Да и зачем ему освобождать Ханар?

— Может, это сделали девушки?

— Они спали.

— А задняя калитка? Где был ключ? Ханар могла его взять? Или кто-то другой?

Ибрагим задумался. Ответ напрашивался только один. Как большинство евнухов, абиссинец был внимательным, осторожным и близко никого не подпускал. И все же у него тоже имелась своя компания. Когда господин давал ему выходной, Ибрагим шел в кофейню на набережной, туда, где обложенные подушками посетители возлежали на диванах, потягивая дым из

кальянов, в то время как слуги разносили кофе, шербеты и сладости. Хотя это был чисто мужской мир, евнухов, служивших в богатых домах, туда пускали. Они сидели отдельно и говорили о своем.

Как-то раз один из них спросил приятелей, не знают ли они, к кому можно пристроить на службу молодого евнуха.

— Его хозяин разорился, и слуги оказались на улице. Парень наивный и кроткий, боюсь, как бы не попал в плохие руки. Сами знаете, что ему могут предложить.

Ибрагим нахмурился. Он понял, о чем речь. Хотя официально в Османской империи сожительство мужчины с мужчиной находилось под запретом, на деле все обстояло иначе. Многие состоятельные люди буквально охотились за молодыми, привлекательными евнухами, обещая им большие деньги. Ибрагим находил такие вещи отвратительными.

Он встретился с юношей и побеседовал с ним. Эмре ему понравился. Его оскотили в благоприятном для этого семилетнем возрасте, когда в мальчиках еще не успевали проснуться желания, свойственные полу. Обычно такие евнухи вырастали доброжелательными, послушными, жили без ощущения потери чего-то невосполнимого. Матерью Эмре была темнокожая женщина, а отцом, скорее всего, турок. Ибрагим намекнул Ахмеду эфенди, что ему нужен помощник, даже больше — преемник.

— Когда молодой господин обзаведется женами и наложницами, я буду слишком стар и, возможно, удалюсь на покой. Мне надо успеть воспитать себе смену.

Благодаря протекции Ибрагима Ахмед эфенди принял Эмре на службу, и случилось так, что абиссинец привязался к юноше. Он не только учил его всему, что знал сам, но и рассказывал ему о преимуществе их положения, когда можно любоваться женской красотой, словно через чистое стекло, не замутненное грязными желаниями и животной похотью.

Ибрагим говорил, что во дворце наиболее хитроумные и удачливые кастраты обладали властью, не меньшей, чем сам султан. Отмечал, что мужчины, именующие себя полноценными, зачастую слишком сильно зависят от того, что находится у них между ног. Это относится и к слабому полу. И только евнух, не столь сильно привязанный к плотскому миру и его удовольствиям, способен по-настоящему воспринимать окружающий мир умом и сердцем. Старший служитель гарема был строг с младшим, но и любил его почти так, как отец любил бы сына.

— Нет, господин, — твердо произнес Ибрагим, — все это время ключ находился при мне.

— Что ж, — заключил Ахмед эфенди, — надеюсь, в конце концов мы выясним, кто виноват. Рано утром организуйте поиски. Объявите награду. Переверните весь город, но найдите девчонку.

Ибрагим поклонился.

— Слушаюсь, хозяин.

Глава тринадцатая

Ханар бежала по улице, стремясь очутиться как можно дальше от конака Ахмеда эфенди.

Иные дома были окружены высокими заборами, фасады других ничем не ограждались. В окнах горел свет, за занавесками мелькали тени. Ночь веяла прохладным дыханием.

Ханар знала, что в степи, дабы убежать от врага, нужна только скорость. В городе, где даже ветер казался узником, который мечется меж каменных стен, все было иначе. Здесь ей предстояло лавировать, изворачиваться, находить ходы и выходы в лабиринте улиц. В конце концов девушка выдохлась и свернулась клубочком под каким-то деревом, надеясь, что до утра ее никто не потревожит.

Ханар проснулась от холода. Было еще рано; и небо, и вода имели молочно-белый цвет, а купола дворцов и мечетей словно сливались с облаками. На этом бледном фоне выделялись лишь темные пятна зелени.

Стамбул просыпался. Мимо шли крестьяне из Анатолии и их закутанные в платки жены в цветастых шароварах, узкоглазые кочевники-юрюки[1], бедуины с сирийских окраин с орлиными профилями и гордой осанкой, вооруженные кинжалами грозные черкесы, греки, зачистую голубоглазые, а иногда и светловолосые. Носильщики-хамалы сгибались под тяжелыми грузами, торговцы катили свои тележки или вели навьюченных ослов и лошадей. Слышался ритмичный перестук женских сандалий на деревянной подошве, резкие крики зазывал, рев верблюдов, собачий лай.

На улицах уже продавали еду. Кебабджи[2], срезав ножом прожарившуюся часть мяса, накладывал кусочки на пышную лепешку из квашеного теста, поливал ее йогуртом, щедро посыпал укропом и стручками мелкого зеленого перца.

Запах, идущий от шипящих жаровен, сводил Ханар с ума, но у нее не было денег. А поскольку она не желала принимать подарки от Ахмеда эфенди, то не имелось и украшений, которые можно было бы продать или использовать для обмена. Степнячка не знала города и не представляла, как ей попасть домой. И все же она очутилась на свободе, и это было главным. Прикрыв нижнюю часть лица, как советовал Эмре, она пошла по улице, стараясь держаться в стороне от мужчин. Впрочем, они тоже не приближались к ней и, что самое важное, не обращали на нее внимания.

Иные улицы, обсаженные кипарисами и пирамидальными тополями, были довольно широкими. Но большинство напоминало узкие и глубокие русла горных потоков. Ярко алела черепица на крышах домов, стеклянные глаза окон равнодушно взирали на прохожих, белые купола мечетей сверкали на солнце, словно горные вершины, минареты вздымались к небу, будто гигантские свечи.

Пробродив по Стамбулу до темноты, Ханар смертельно устала. На сей раз она заночевала на берегу, среди рыбачьих лодок и сетей. Многие каики хранились в земляных нишах — девушка решила, что там можно укрыться, если вдруг пойдет дождь.

На третий день, когда ей стало плохо от голода, она решила стянуть одну из испеченных на железном противне лепешек, благо торговец был занят беседой с соседом. Юфки — лепешки из пресного теста — были хлебом бедняков и стоили дешево, но у нее не было ни одного акче[3]. Ханар вспомнила нан, длинный хлеб, выпечка которого входила в обязанности курдских женщин. Тесто месили в большом блюде, после чего раскладывали на раскаленных железных листах. Нан пекли на стоянках и возили с собой. Когда он засыхал, его ели, размачивая в воде или молоке.

Быстро схватив лепешку, девушка побежала к фонтану и с жадностью проглотила ее, отрывая зубами куски и запивая водой, которую черпала ладонью. Темнота в глазах отступила, но в результате Ханар увидела совсем не то, что бы хотела увидеть. Размахивая руками и что-

то возбужденно говоря, к ней приближался торговец лепешками в сопровождении субаши, офицера, командующего отрядом, который обеспечивал порядок в городе, и его солдат.

— Вот! — торговец ткнул пальцем в Ханар. — Эта девушка украла у меня лепешку! Просто стащила с противня средь бела дня, думая, что я ничего не замечу. Но в Стамбуле столько воров, что я вижу их даже затылком!

Ханар бросилась бежать, но солдаты нагнали ее и окружили.

— Этот человек говорит правду? — спросил офицер.

— Я ничего не брала, — пробормотала Ханар.

— Она еще и врет! — завопил торговец. — У меня есть свидетель — человек, продающий зелень. Мы всегда стоим рядом. Он тоже все видел.

— Ты должна заплатить за товар.

— У меня нет денег.

— Тогда мы отведем тебя домой, и пусть платит твоя родня. Где ты живешь? Чья ты жена или дочь? — строго спросил субаши.

Ханар молчала, и тогда торговец заявил:

— Она, наверное, беглая. Разве порядочная женщина станет разгуливать по Стамбулу одна, да еще красть!

— Тогда мы должны тебя задержать, — сказал офицер.

Девушка дико озиралась. Ее взгляд был отчаянным, исступленным, тяжелым. И еще в нем сквозил страх. Страх, что теперь она никогда не вырвется из этого города. Курдянка поняла, что ей вовсе не удалось сбежать на свободу. Просто эта тюрьма была больше предыдущей. И у нее, Ханар, прибавилось врагов.

[1] Юрюки — турки, ведущие кочевой образ жизни, связанный с овцеводством.

[2] Кебабджи — повар, готовящий кебаб.

[3] Акче — мелкая монета.

Глава четырнадцатая

Айнуру было хорошо известно выражение «Османами не рождаются, а становятся». Закончи медресе[1], исполнись истинно турецкого достоинства, научись при каждом удобном случае напускать на себя важный вид, овладей высокопарным витиеватым языком, чтобы тебя никто не мог понять, а главное, всегда помни, что душа любого человека, какой бы чистой и прозрачной она ни казалась, всегда имеет двойное дно.

Сколько молодой человек ни пытался проникнуть в мысли, уловить чувства, догадаться об истинных целях Ахмеда эфенди, ему не удавалось это сделать. К тому же Айнур был слишком нетерпелив и горяч. Юноша понимал, что отец Энвера никогда не допустит его близко к чему-то секретному.

Стоило Айнуру задать вопрос о том, что происходит в султанском дворце, чем отмечено начало правления Мустафы IV и как ведет себя находящийся в заточении Селим III, Ахмед эфенди отвечал расплывчато и уклончиво или вообще ничего не говорил.

Между тем по Стамбулу ходили слухи, что новый султан царствует, а не правит, что он настолько ограничен, невежествен и слеп, что не может отличить драгоценный камень от обыкновенного булыжника. Фактически власть находилась в руках других лиц, среди которых назывались имена трех главных противников реформ низложенного султана — заместителя великого визиря Мусы паши, главного муфтия Атауллы эфенди и Мустафы Кабакчи оглы[2], опиравшегося на янычар и ямаков[3]. При дворе шла жестокая грызня за выгодные посты.

Фавориты Мустафы IV быстро обзавелись вилами на берегу Босфора, роскошной обстановкой, слугами, экипажами, лодками и тратили на содержание своих дворцов огромные деньги. Простым жителям города переворот, как водится, не принес ровным счетом ничего хорошего: цены на товары и налоги не снижались, янычары окончательно распоясались.

Когда утром Ахмед эфенди отправил Айнура назад, передав через стоявшего у ворот охранника, что сегодня услуги юноши не понадобятся, тот не знал, что и подумать. Он побрел по улице. Не иначе что-то грядет! Айнур был до того погружен в себя, что не слышал привычных звуков родного города: предупреждающих криков носильщиков, хлопанья птичьих крыльев, собачьего лая, стука деревянных башмаков.

Возле фонтана собралась небольшая толпа. Мужчины спорили и кричали. Айнур остановился. Иной раз слово, произнесенное в султанском дворце, буквально в тот же день повторялось на базаре, и слухи распространялись, как лесной пожар. Далеко не все из них были правдивы, и все же при желании можно было найти в них некое драгоценное зерно.

Подойдя ближе, юноша заметил, что в центре круга стоит... женщина, и понял, что сборище не имеет отношения к дворцовым интригам. По каким-то признакам он догадался, что девушка не турчанка. Прислушавшись к тому, что говорили мужчины, Айнур понял, что незнакомку обвиняют в краже. А еще кто-то кричал, что она беглая. Когда она повернулась, молодой человек встретил ее бьющий наотмашь взгляд и узнал в ней ту самую непокорную наложницу, купленную Ахмедом эфенди. Неужели ей удалось сбежать?!

— Никто не знает, чья она? — спрашивали мужчины.

— Я знаю! — воскликнул Айнур, проталкиваясь через толпу.

Все разом обернулись к нему, и он почувствовал, как его охватывает панический жар, а в душу вползает предательский страх, но отступать было некуда.

— Это... это наложница моего отца, сбежавшая несколько дней назад. Мы ищем ее по всему городу.

Субаши пронзил юношу полным недоверия взглядом.

— Как зовут твоего отца?

На решение было не больше секунды.

— Ахмед Рамиз эфенди, — пробормотал Айнур.

— А наложницу?

— Ханар. Она курдянка.

— Эта девушка украла у меня лепешку! — закричал торговец.

Стараясь, чтобы руки не дрожали от волнения и спешки, Айнур вытащил кошелек и протянул мужчине деньги.

— Прошу прощения, господин! Надеюсь, плата покроет ваши убытки и возместит переживания.

— Надо лучше следить за своими женщинами, — назидательно произнес торговец, с довольным видом пряча деньги. — Если они начинают бегать по городу без присмотра, это признак плохих времен.

— Ты должен заплатить штраф за то, что наложница твоего отца нарушила порядок, — заметил субаши, привыкший брать взятки при каждом удобном случае.

Надеясь, что после от него все-таки отстанут, Айнур щедро вознаградил и его. Как и следовало ожидать, начальник полицейского отряда тут же утратил всякий интерес к происшествию.

— Ты сумеешь в одиночку доставить эту женщину домой?

В этом Айнур не был уверен, как не вполне представлял, куда ему вести Ханар. А если она снова сбежит в ближайшем переулке?! Такую женщину не удержит даже тот, кто силен и свиреп, словно лев! Молодой человек облизнул пересохшие губы.

— Конечно, смогу.

Все интересное закончилось, и толпа начала редеть. Айнур боялся, что Ханар бросится бежать, но она стояла на месте. И все же на всякий случай юноша промолвил:

— Прошу, не убегай! Я хочу тебе помочь.

Ее взор был холоден, как горная река. Ханар вспомнила этого молодого турка. Он был там, на невольничьем рынке. Он хотел ее купить — это читалось в его глазах, в тот миг словно подернутых пеленой чистого, светлого огня. Но он был знаком с Ахмедом эфенди, а это не предвещало ничего хорошего.

— Не лги. Ты думаешь отвести меня обратно? В этом городе все мужчины трусы, и они молятся только на золото!

Айнур покраснел.

— Не говори так. Я не собираюсь возвращать тебя Ахмеду эфенди. Давай уйдем подальше от этого места.

Вопреки опасениям юноши, курдянка пошла за ним. Вероятно, она тоже не знала, что делать дальше. Когда они очутились в безлюдном переулке, Айнур повернулся к Ханар. Юноша не притворялся. Он искренне верил в то, что просто хочет ей помочь и что при этом ему удастся соблюсти мусульманские заповеди.

— Почему ты сбежала? Ахмед эфенди плохо обращался с тобой?

Ее взгляд резал, как бритва.

— Да, плохо. Но я сбежала бы, даже если б он каждый день осыпал меня лепестками роз! Я хочу домой. Ты сможешь мне добраться до своих? Если нет, тогда уходи!

— А куда пойдешь ты? Тебя снова схватят, — сказал Айнур и, переведя дыхание, продолжил: — Я не знаю, как доставить тебя домой. Твой дом — это степь, где кочуют курды. Надо узнать насчет караванов и дорог. Обещаю, что сделаю это. А пока предлагаю тебе спрятаться в моем доме. Я живу не один, у меня есть сестра. Ты поселишься на женской половине. С некоторых пор в наш дом никто не заходит. Тебя не найдут. Тебе ничто не угрожает.

Ханар усмехнулась, и юноша понял, что она несколько его не боится. Возможно, она даже не видела в нем мужчину.

— А как я могу быть уверена в том, что ты тайком не доложишь обо мне Ахмеду эфенди и он не явится за мной?

Выпрямив спину, Айнур торжественно произнес:

— Клянусь памятью моего невинно убиенного отца!

В то время как они шли к дому покойного Юсуфа Хамида эфенди, Айше занималась стряпней. Служанка еще не вернулась, и девушке хотелось поскорее закончить с приготовлением еды и взяться за вышивку.

В бедных домах жаровни напоминали глиняные горшки со сквозными отверстиями для тяги, но в их кухне с незапамятных времен стоял массивный четырехугольный медный мангал. Уголь в него накладывали специальными щипцами и совком, а для раздувания пламени использовали металлический веер с деревянной ручкой. Сидя на корточках, Айше махала этим веером, когда слышала шаги. Она испугалась. Брат был на службе. Кто мог пробраться в их дом? Вскочив на ноги, она выбежала из кухни и увидела брата, а с ним — девушку. Ту самую курдянку Ханар. Айше замерла, взглядом посылая Айнuru вопрос. Сделав вид, что не заметил этого, тот отрывисто произнес:

— Эта девушка попала в беду. Мы должны ей помочь. Она давно не ела, так что ее надо накормить. А еще дай ей что-нибудь из своей одежды.

— Но Айнур, — не выдержала Айше, — ты привел в дом чужую женщину и...

— Как ты ведешь себя, сестра? — перебил он. — Ты забыла о законах гостеприимства?

Она отпрянула от неожиданности, а он ушел, позвав за собой Ханар. Курдянка не поздоровалась, она вообще не помолвила ни слова. Степнячка смотрела на Айше неприязненно, если не сказать, как на врага. Впрочем, в этом она не была далека от истины. Девушка негодовала. Брат говорил с ней таким тоном, каким мужчины обычно приказывают женщинам! Прежде ничего подобного не случалось.

Айнур увел Ханар, между тем Айше была вынуждена остаться на кухне и продолжать готовить. Брызжащий со сковороды жир попадал на одежду и волосы, специи разъедали кожу рук. Девушка не знала, плачет ли она от запаха лука или в ее слезах виновата обида. Почему она должна прислуживать дикарке? Что за безумный поступок совершил ее брат?!

Переодевшись и приведя себя в порядок, Айше внесла в комнату блюдо с дымящимся пловом. Ханар сидела на низком диване. Она и не думала закрывать лицо в присутствии постороннего мужчины. Впрочем, чего было ждать, если эта дикарка сбежала от своего господина! Все в ней до мельчайшей черты выдавало бунтарский дух. Даже брови курдянки напоминали не полумесяцы, арки или два лука, что в Стамбуле считалось красивым и модным, а росли вразлет.

За едой Айше хотелось напомнить брату о том, что, обучая детей манерам, Юсуф Хамид эфенди приводил в пример Пророка. Перед трапезой тот всегда мыл руки, ел, не торопясь, аккуратно, с помощью трех пальцев. Брал пищу только со своей стороны блюда, никогда не тянулся к середине, запивал еду бесшумно. А закончив, непременно благодарил Аллаха. С дикаркой все было не так. Она хватала пищу всей ладонью, ела жадно, пила захлебываясь. Не сказала спасибо ни Всевышнему, ни даже хозяевам, под чьей крышей нежданно-негаданно очутилась.

Казалось, Айнур не обращает на это внимания. Создавалось впечатление, что ему все равно. Он выглядел околдованным, полностью потерявшим себя. И все же им надо было поговорить, поэтому по завершении трапезы Айше твердо произнесла:

— Айнур, я жду тебя на женской половине.

Поднявшись, он прошел следом за ней. Девушка остановилась посреди комнаты, перекинула на грудь тяжелые косы и взглянула на брата. Он впервые видел в ее взоре столько холода.

— Я чем-то тебя обидел? Я все объясню.

— Ты разговаривал со мной не как мой брат, а как господин. С каких это пор мы не равны?

Во взгляде Айнура читался ответ: «С тех пор, как Аллах создал небо и землю. С тех пор, как мы вышли из чрева матери и появились на свет разнополюми». Но Айше видела и знала другое: Ханар держала себя как повелительница, и брат это принимал.

— Почему ты не на службе?

— Мне велели вернуться домой.

— Это плохой знак.

— Может, дело в сбежавшей наложнице? В том, что Ахмед эфенди занят поисками?

Айше усмехнулась.

— Тебе кажется, что весь мир вертится вокруг нее. Зачем ты привел эту девушку сюда?

— Чтобы спрятать. Чтобы помочь ей добраться до дома.

Возможно, Айнур в самом деле верил в свои слова. Но Айше угадывала в нем совсем другое желание: он хотел оставить эту женщину себе, завладеть ею.

— Все будет не так. Ее вернут обратно, а тебе отрубят голову!

— Если вернут, то пусть отрубают.

Айше ахнула. Не иначе в брата вселился шайтан, который легко превращает золото в золу и с радостью управляет делами, в которые никогда не вмешается Аллах!

— Не бойся, — добавил Айнур, — сейчас в наш дом никто не вхож, и никому не придет в голову, что Ханар скрывается у нас.

— Я не хочу участвовать в этом! Ты украл чужую женщину.

— Я не крал. Она сбежала из гарема. Я встретил ее на улице.

— Ты должен был отвести ее к Ахмеду эфенди. Если я нахожу на улице кошелек или золотое кольцо и, зная, кто его потерял, оставляю себе, разве это не кража?

— Ханар не вещь! — возмутился Айнур. — В их племени женщины сами выбирают, с кем им быть!

Айше не знала, что на это ответить. В Османской империи женщина всегда предмет торговли или обмена. Кто за нее заплатил, тому она и принадлежит. Поступок брата нарушал все законы религии и чести. Такое каралось смертью, и если он этого не понимал, если сделался рабом слепого желания, значит, ему суждена гибель. Странно, что Айнур признает за Ханар право выбора и даже восхищается этим. А если бы речь шла о ней, Айше? Наверное, он бы сказал, что она не должна тосковать по любви, разговаривать с мужчиной, открывать свое лицо!

Видя, что сестра молчит, юноша с укором произнес:

— Неужели у тебя нет сердца, Айше?

— А ты лишился разума?

— Когда ты пойдешь в гарем Ахмеда эфенди? — спросил Айнур, игнорируя слова сестры. — Мне надо узнать, что там говорят о Ханар.

Айше топнула ногой в бархатной домашней туфельке.

— Ты посылаешь меня шпионить, не думая о том, насколько это опасно? В гареме наверняка есть человек, который помог ей бежать! Его глаза и уши станут преследовать меня.

Айнур задумался.

— Я тоже считаю, что Ханар действовала не одна. Я спрашивал, кто ее сообщник, но проще было бы задать этот вопрос камню. Она ни за что никого не выдаст. Эта женщина достойна восхищения!

Айше не понимала, чем похожая на дикую лошадь курдянка лучше прекрасной, как цветок, добропорядочной турецкой девушки.

— Я могу с ней поговорить? — с некоторым вызовом произнесла она, глядя брату в глаза.

— Да, только не проси Ханар покинуть наш дом.

— Я никогда ни о чем ее не попрошу.

Айше позвала курдянку на женскую половину, чтобы дать ей одежду. Она намеренно громко хлопала крышками сундуков, но Ханар и бровью не повела. Она спокойно стояла и ждала.

— Какое платье ты хочешь? — натянуто спросила Айше.

— Давай любое, которое не жалко, — ответила дикарка.

Айше вынула густо-синее, как вечернее небо, расшитое маленькими голубыми звездочками энтари с золотой каймой.

— Это подойдет?

— Да, — быстро произнесла курдянка. Было видно, что ей совершенно все равно, что носить.

Когда Айше молча протянула ей наряд, Ханар заметила:

— Кажется, ты не рада, что я здесь оказалась?

Турчанка едва не задохнулась от возмущения.

— Мой брат подвергает себя смертельной опасности!

— Я не напрашивалась. Он сказал, что поможет мне найти дорогу домой.

— А если тебя схватят и заставят сознаться, кто тебе помогал?!

— Я ничего не скажу.

Айше отметила, что на Ханар не производили ни малейшего впечатления ни обстановка дома, ни красивая утварь. Она была не из тех, кто выражает пусть не лицемерные, а хотя бы вежливые восторги. Она ценила лишь то, что в самом деле представляло для нее ценность, а об остальном даже не задумывалась.

Курдянка нарушала существующий порядок вещей одним своим присутствием. Вольно или невольно эта девушка вовлекала окружающих в свой мир. Можно было потратить сколько угодно времени, чтобы сломить ее волю, — все оказывалось напрасным. Она поступала так, как ей было нужно. Ханар умела распоряжаться другими, не позволяя распоряжаться собой; при этом не прикладывала ни к тому, ни к другому никаких усилий. Айше оставалось только дивиться недалекости мужчин. Испокон веку турки очень крепко держались за свои обычаи, слишком сильно гордились верой, чтобы держать за равных покоренные, да к тому же темные народы!

Если бы только Айнуру хватило ума распахнуть дверцу клетки и выпустить наружу эту дику птицу! Однако Айше не переставала повторять себе, что на уме у брата совершенно другое. В конце концов девушка все-таки согласилась пойти в гарем Ахмеда эфенди. К тому же ей все равно надо было отнести его наложницам вышитые вещи.

Она выбрала любимый наряд цвета розовых лепестков, шитый серебряными нитями, в котором выглядела на диво свежей и юной, и завязала алый пояс изысканным узлом. Надела суконную шапочку такого же цвета и прикрепила к ней тончайшую вуаль. Айше поймала себя на том, что думает об Энвере. Поступок Айнура не только все запутывал и усложнял, но еще и отдалял ее от человека, который без того был недостижим, словно луна, несмотря на все свои намеки, порывы и страстные взгляды.

[1] Медресе — учебное заведение правового и религиозного профиля.

[2] Оглы — букв. «его сын», обозначение происхождения.

[3] Ямаки — солдаты вспомогательных войск, обслуживающие гарнизоны крепостей и фортотв.

Глава пятнадцатая

Гарем Ахмеда эфенди бурлил. Айше там встретили с восторгом — его обитательницам было что ей рассказать. Они усадили гостью на подушки, велели служанкам подать чай, кофе, фрукты и сладости и принялись болтать, перебивая друг друга и позабыв даже о выполненных ею заказах.

— Последняя купленная господином наложница, курдянка Ханар, сбежала!

— Как ей это удалось? — пробормотала Айше.

— Никто не знает. Стены слишком высокие, чтобы она смогла перелезть через них, а все лестницы были убраны. Охрана заверяет, что никого не выпускала, а Ибрагим утверждает, что ключ от задней калитки находился при нем. Получается, то ли она сделалась невидимой и прошла в ворота, то ли у нее выросли крылья, и она перелетела через ограду!

— Кое-кто мог соврать, — заявила Зейнаб. — Ибрагиму не нравилась Ханар, потому что он не мог уговорить ее покориться господину.

— Ты хочешь сказать, ее выпустил Ибрагим? — сказала грузинка. — Не думаю, что это так. Он много лет верой и правдой служит Ахмеду эфенди. Этот евнух предан господину, как никто другой. Ибрагим бы не стал освобождать Ханар только для того, чтобы от нее избавиться.

— А что Ахмед эфенди? — поинтересовалась Айше.

— Он зол, как никогда. О нас позабыл и, кажется, даже не ходит на службу. Ханар поглотила все его мысли, — ответила Гюльбахар.

Айше облегченно перевела дыхание: это объясняло, почему ее брата отправили домой.

— В последнее время господин ее ненавидел! — сообщила Зейнаб, набивая рот рахат-лукумом. — Он думает только о мести. Он убьет ее, если поймает.

— Возможно, она давно покинула Стамбул?

— На это у нее не хватит ума. Да и денег у нее нет, — усмехнулась черкешенка. — А еще она не может понять, что ее не примут даже в родном племени. Девушку, побывавшую в турецком гареме, да еще удравшую оттуда, сочтут опозоренной. Замуж ей не выйти, и едва ли ее семье нужен лишний рот.

— А если ее пожелает взять какой-нибудь местный мужчина? — тихо промолвила Белгин, и Айше испуганно вздрогнула.

— Порядочный человек никогда не позарится на чужую женщину! — заявила Зейнаб. — Да и кому она нужна: неухоженная, неуживчивая, дикая!

С этим Айше могла согласиться, однако грузинка задумчиво произнесла:

— Что-то особенное в ней все-таки было.

— По-твоему, она красавица? — фыркнула уязвленная черкешенка.

— Я говорю не о красоте, а о внутренней силе. О том, что она не была похожа на остальных.

— На кого?

— На всех нас.

В это время Айнур сидел напротив Ханар, все еще не веря тому, что видит. Она была здесь, реальная и вместе с тем недоступная, напоминавшая птицу, которая вот-вот взмоет ввысь и улетит.

Он задал вопрос, который не давал ему покоя:

— Почему ты мне поверила?

— Я тебя узнала, — просто сказала Ханар. — Тогда, на рынке, ты стоял и смотрел на меня. Я видела, что ты хотел меня купить.

Айнур смутился.

— Да.

Она не сводила с него взгляда, чего никогда бы не сделала ни одна турчанка.

— Ты бы меня отпустил?

— Конечно, — выдавил он, сознавая, что говорит неправду.

С другой стороны, как бы он сумел ее удержать? Ханар казалась человеком, который никогда не меняет своих решений.

— Твоя сестра не хочет, чтобы я находилась в этом доме.

— Она боится за меня. На самом деле Айше очень добрая. Она привыкнет.

— Я здесь не задержусь, — сказала Ханар.

Айнур понимал, что его обуревают страсть, необъятная, как океан, непознанная, как сокровенное слово Аллаха. Чувствовал, что его терзает неутолимый голод. Его покоряла жизненная сила этой женщины. В ее присутствии он с трудом сохранял самообладание.

— Там, куда ты так стремишься, тебя ждет жених?

Курдянка покачала головой.

— Едва ли я смогу выйти замуж.

Ханар вспоминала слова Белгин. Никто не поверит в то, что, побывав в гареме, она осталась девственницей. В этом отношении людское мнение было непреклонно, и традиции соблюдались безукоризненно.

— Тогда... стоит ли возвращаться? — осторожно произнес Айнур.

Он не хотел ни пугать ее, ни неволить. Он пытался уловить ее интерес к нему, но, судя по всему, она видела в нем лишь человека, которого можно использовать для осуществления своих целей.

Ханар не знала, как объяснить Айнуру, почему она хочет вернуться в степь. Да, та жизнь была ужасающе бедна, там люди довольствовались очень малым, но в ней присутствовало и много хорошего. По вечерам возле больших костров рассаживалось едва ли не все племя. Вели неспешные разговоры, рассказывали легенды и сказки. Белые искры пламени улетали ввысь, к серебряным звездам, а небо словно срасталось с землей. Прошрое, настоящее и будущее сливались в нечто единое, естественное, полное вечного смысла. В том мире дни были похожи один на другой и полны забот, но там Ханар могла оставаться такой, какой ее создали Аллах и природа. В отличие от турчанок, курдянки не напоминали красиво раскрашенных безвольных тряпичных кукол. Они умели принимать решения, потому что иначе бы просто не выжили. Суровый зимний холод степи и ее изнурительная летняя жара закаляли их характер. В отличие от других мусульманских женщин, чей муж всегда может взять себе другую жену, они знали, что этого никогда не случится.

Ханар понимала, что уклад ее племени, манера курдов общаться друг с другом показались бы Айнуру необычными и странными. Она не хотела быть неблагодарной, она ценила его желание сократить расстояние между ними, но не думала, что такое возможно. Каждый человек создан средой, в которой он родился, его душу наполняют звуки песен, услышанных в детстве, воображение полно привычных картин. Отступить от всего этого — все равно, что потерять самого себя.

Все, чем была счастлива Ханар, находилось в степных пределах. Она обожала эту землю, могущую буквально за несколько часов покрыться цветочным ковром или коркой льда. Ни один край не обладал столь чистой красотой, ни одно небо так не пленяло своими звездами. Нигде нельзя было настолько сродниться с солнцем, чтобы с утра до вечера безнаказанно купаться в его лучах. То было место, где можно всегда смотреть в пространство, всей кожей, всем сердцем ощущая его бесконечность и глубину.

Вернувшись домой, Айше рассказала брату о том, что происходит в гареме Ахмеда эфенди.

— Он не отступит, — тревожно проговорила она. — Он будет искать ее снова и снова.

Подумав о том, что завтра ему предстоит встреча с человеком, чью наложницу он спрятал у себя дома, юноша решил, что ему суждено большое испытание.

Глава шестнадцатая

Стоило пойти дождю, как стамбульцев ждало настоящее наказание. Улицы тут же превращались в трясины, по ним текли потоки воды и грязи. Поэтому в тот ненастный день жители города то и дело поглядывали на небо, которое заволокли плотные тучи. Лишенный солнечного цвета Стамбул утратил свои краски, сделался черно-белым. Подернутые крупной рябью воды Босфора приобрели оттенок стали, а зелень по его берегам казалась почти черной. Волны сердито бились о берег, словно проявляя солидарность с хмурыми небесами.

Вопреки опасениям Айнура, встреча с Ахмедом эфенди прошла спокойно. Первому удалось не выдать своих эмоций, а второй выглядел привычно собранным и деловитым, что было неудивительно. Ни один турок не поставит гаремные интриги выше карьеры и службы. Когда встречаются двое мужчин, они, как правило, беседуют о политике, торговле, о любых делах, но только не о гареме. Женщины — закрытая тема, тут каждый живет своей жизнью. В османском обществе никто и никогда не выражает своих истинных чувств и не выдает личных тайн.

Когда юноша собирался домой, его окликнул Энвер. Айнур обрадовался. Ему тоже хотелось с ним поговорить. Он очень надеялся узнать о судьбе султана Селима. Будучи почти ровесниками, с некоторых пор Энвер и Айнур общались запросто, обходясь без утомительного церемониала и пышных приветствий.

Энвер провел Айнура в комнату, как водится, предложил кофе. А потом серьезно произнес:

— Что ты знаешь о Мустафе паше[1] Байрактаре[2]?

— Байрактар был противником реформ султана Селима, — ответил Айнур, вспомнив о том, что слышал от отца.

— Времена меняются, как меняются люди, — многозначительно промолвил Энвер. — С войны[3] приходят дурные вести. Совсем недавно русские разбили нас наголову. Мы потеряли три тысячи человек. Командующий войсками великий визирь попытался свалить вину на своего заместителя — Байракта, но у него ничего не вышло. В результате они поссорились. Сдается, Байрактар сам желал занять этот пост, но новый падишах выбрал не его. Я не исключаю возможности, что рано или поздно Байрактар и его люди встанут на сторону свергнутого султана Селима и попытаются восстановить его правление.

— Но вы с отцом служите Мустафе IV, — настороженно произнес Айнур.

— Я служу государству. Я буду делать то, что важно империи, а не султану. Правители сменяют друг друга, а родина остается родиной.

Судя по всему, для Энвера не было ничего священнее чувства долга перед страной. Айнур не мог не восхититься своим собеседником. В османском обществе все стараются перещеголять друг друга в красноречии, но никто не говорит правды. Энвер был совершенно другим. Он выражался открыто, прямо и просто. А еще Айнуру нравилось, что этот молодой человек не пытается держаться свысока.

— Я хочу сказать, что дело, ради которого Юсуф Хамид эфенди сложил свою голову, не погублено, — неловко произнес Энвер.

— Я тоже надеюсь на это, — ответил Айнур, терзаясь тем, что, сделавшись пленником любви и страсти, в последние дни думал только о Ханар.

— Мой отец дает тебе много работы? — спросил Энвер.

Собеседник досадливо поморщился.

— Не очень. Иногда я переписываю документы и отношу их куда надо, но... в общем, не выполняю никаких особо важных поручений. Похоже, Ахмед эфенди мне не доверяет.

— Не беспокойся, он и со мной не многим делится.

— А как твоя служба?

— Пока присматриваюсь и привыкаю.

— Как там, во дворце? — не без зависти произнес Айнур, подумав о том, что он тоже мог бы проходить через сад, где бродят ручные газели, входить в высокие залы, по которым снуют посыльные и писари, а люди со стороны часами ждут аудиенции сановников. Быть частью этого царства безмолвия и церемониала, ибо еще два века назад один из султанов запретил разговоры в серале и ввел строжайший этикет.

— Осиное гнездо, — спокойно произнес Энвер. — В основном меня окружают мелкие корыстолюбивые люди, чьи помыслы не идут дальше получения наград от повелителя и взяток с любой стороны.

Молодой человек поостерегся сказать, что придворные Мустафы IV едва ли не в открытую делят имущество, конфискованное у казненных сановников султана Селима. Зато он не удержался, чтобы не спросить об Айше.

— Как поживает твоя сестра? Я слышал, она подружилась с наложницами моего отца?

К счастью для Энвера, разговор потек по нужному руслу. Айнур не мог сердиться на собеседника за вопрос об Айше: ведь тот только что сообщил ему секретные сведения, какие Айнур ни за что не сумел бы получить ни от кого другого.

— Да, ведь после того, что случилось с нашим отцом, у Айше не осталось друг.

Конечно, Айнур предпочел бы, чтобы сестра общалась с турчанками, но в данном случае выбирать не приходилось.

— Я беспокоюсь за Айше, — не выдержав, добавил молодой человек, — у нее нет никого, кроме меня.

Энвер понял, что настал его час. Прежде чем решиться на это, он долго обдумывал, к кому обратиться в первую очередь. Если отец даст согласие на брак, а Айнур ему откажет, Ахмед эфенди никогда не простит юноше столь тяжелого оскорбления. С другой стороны, если произойдет наоборот, Энверу будет жалко потерять расположение Айнура и в обоих случаях надежду когда-нибудь заключить Айше в свои объятия. Он произносил слова так медленно и осторожно, словно от этого зависела его жизнь:

— Я знаю мужчину, который взял бы Айше под свою защиту, женившись на ней. Если он получит отказ, его сердце расколется пополам.

Айнур смотрел на собеседника округлившимися глазами. Он ожидал от Энвера чего угодно, но только не этих слов.

— Да, но...

— За нее сватались?

— Пока нет. В этой неразберихе...

— Не буду ходить вокруг да около. Теперь судьбу сестры решаешь ты. И Аллах. Мужчина, о котором я говорю, — это я сам.

Переведя дыхание, Энвер слегка откинулся на подушки. Чтобы произнести последнюю фразу, ему понадобилось все его мужество. Айнур не знал, что ответить. Энвер был достойным женихом, а для девушки в положении Айше и вовсе завидным. Но что скажет на Ахмед эфенди? Подумав об этом, юноша вздрогнул: неужели отныне им с сестрой суждено целиком и полностью зависеть от этой семьи?!

— Ты говорил с отцом? — натянуто произнес он.

— Нет. Для начала мне хотелось узнать твое мнение и... мнение твоей сестры.

Айнур не представлял, как заговорить о том, что у Айше нет приданого. Впрочем, Энвер все прекрасно понимал.

— Мне нужна только она.

— Но ведь ты ее почти не видел!

— Я почувствовал ее душу. Мое сердце откликнулось на биение ее сердца. А красоту Айше, равную красоте гурии рая, не спрятать ни под каким покрывалом! Если я невольно чем-то оскорбил тебя или твою сестру, мне нет прощения!

С этими словами Энвер встал и низко поклонился. Айнур решил держаться с приличествующим случаю достоинством, а потому отвесил ответный поклон.

— Благодарю тебя за твое предложение. Я обдумаю его и поговорю с Айше. Мне бы не хотелось ее неволить.

Энвер кивнул.

— Именно поэтому, прежде чем засылать сватов, я обратился к тебе.

Они расстались сильно взволнованные и вместе с тем в глубине души вполне довольные друг другом. Айнур отправился домой. Погода по-прежнему не внушала хороших мыслей. По небу мчались косматые тучи, воды пролива бурлили под порывами ветра. Босфор по праву считался сердцем Стамбула, и сейчас это сердце билось тревожно и гулко.

Дома он пересказал Айше разговор с Энвером — разумеется, ту его часть, что касалась сватовства. По восторженному взгляду и радостной улыбке девушки Айнур понял, что сестре кое-что известно на этот счет, и его обожгло неприятное чувство. Неужели она встречалась с Энвером за спиной родного брата? Однако молодой человек тут же отмел эту мысль. Для такого Айше была слишком чиста, а Энвер благороден.

— А его отец? — допытывалась девушка. — Что он об этом думает?

Айнур нахмурился.

— Пока неизвестно. Для начала Энвер решил поговорить со мной, чтобы заручиться твоим согласием.

Молодому человеку казалось, что Айше ведет себя чересчур самостоятельно и смело. Она не пыталась скрыть, что предложение сына Ахмеда эфенди ей по душе. Ее глаза блестели, а на щеках словно цвели розы. Айнур вспомнил, как она зашивала и перевязывала раны Энвера, прикасалась к его телу, телу чужого мужчины. Все же не надо было этого допускать! Молодой человек невольно подумал о том, что отец ушел из жизни, оставив ему в наследство много такого, в чем он не мог разобраться.

Решив пока оставить эту тему, Айнур спросил сестру про Ханар.

— Она на женской половине. Не знаю, что она делает, может быть, спит, — ответила Айше и добавила: — Эта девушка не понимает, что у себя дома она будет считаться опозоренной. Об этом говорили наложницы Ахмеда эфенди, и мне кажется, они правы.

— Насколько я понял, он не сумел овладеть Ханар, — сказал Айнур, забыв, что негоже беседовать об этом с незамужней сестрой.

— Кто в это поверит! А дорога? Там тоже будет много мужчин, и наверняка кто-то из них захочет посягнуть на ее честь.

Айнур так сильно стиснул зубы, что они скрипнули. Он не успел ответить, как Айше добавила:

— Полагаю, скоро наша служанка вернется домой? Как мы объясним ей присутствие в доме Ханар? Она не нашего народа, у нее нет подходящего воспитания — мы не можем выдать ее за нашу родственницу или знакомую!

— Скажем, что укрыли ее от жестоких людей, и попросим Фериде держать язык за зубами.

— Тайна, о которой известно стольким людям, это уже не тайна.

Айнур знал, что она права. И все-таки он ничего не мог с собой поделать.

Айше ушла на женскую половину и вернулась переодетой в густо-сиреневый кафтан, изящно зашнурованный спереди, а сзади сидевший как влитой и расцвеченный вышивкой свободный плащ ферадже. Айнур невольно залюбовался сестрой. Как выяснилось, Айше собиралась в гарем Ахмеда эфенди: она условилась с девушками, и за ней должен был прийти Эмре.

— Может, ты останешься дома? — сказал Айнур. — Похоже, вот-вот пойдет дождь.

— Нет, я пойду. Неловко заставлять человека ходить туда-сюда понапрасну. К тому же я обещала Гюльбахар, Зейнаб и Белгин, что непременно приду сегодня.

На языке у юноши вертелся вопрос, не встречалась ли Айше с Энвером, но он не осмелился его задать. Это было немыслимо и нарушало все устои. Его сестра не такая. Она не бросит тень на семью и не запятнает себя бесчестьем.

[1] Паша — высший титул военных и гражданских чиновников в Османской империи.

[2] Байрактар («Знаменосец») Мустафа паша (1765-1808) — турецкий политический и военный деятель.

[3] Русско-турецкая война 1806-1812 г.г.

Глава семнадцатая

В сыром тяжелом воздухе глухо раздавался плеск воды. Ключья серого тумана задевали холмы, крыши дворцов, купола мечетей. Медленно опускаясь вниз, они свивались в клубы, а после стелились по земле. Все кругом казалось холодным и печальным. Айше сказала себе, что столь непривычная для летнего времени погода явно не к добру. Аллах всегда шлет людям знамения. Должно быть, государство вновь ожидают несчастливые перемены. Хорошо, если на этот раз бедствия не затронут их семью!

Девушка быстро шла вперед, обеими руками придерживая на себе плащ и стараясь не отставать от провожатого. Эмре по обыкновению был молчалив, а Айше с горечью думала о том, что они с братом не в состоянии содержать даже собственного евнуха и им приходится пользоваться услугами чужого.

Однако, войдя в гарем Ахмеда эфенди, она повеселела. Наложницы пребывали в хорошем расположении духа. Блюда были полны сладостей, кувшины — напитков, а головы обитательниц гарема — увлекательных затей. Девушки предложили турчанке заняться гаданием.

— Правда, лучше делать это поздним вечером, — сказала Зейнаб.

— Я должна вернуться домой вовремя, — ответила Айше.

— Разумеется, вернешься! Эмре тебя проводит.

Но вскоре за окнами потемнело, небеса разверзлись, и на землю сплошным потоком хлынул дождь. Буквально через четверть часа почва уже не могла впитывать влагу, и вода устремилась вниз с холмов, увлекая за собой песок и камни. Затопившие город глинистые реки грязной жижей стекали в Босфор. Ветви растущих по берегам пролива деревьев неистово раскачивались, а мокрые крыши зданий тускло поблескивали. Жителям города приходилось задерживаться там, где их застала непогода, потому как по улицам почти невозможно было передвигаться. Айше стало не до развлечений и легкомысленной болтовни новых подруг: они находились дома, тогда как ей предстояло возвращаться обратно.

— Оставайся ночевать! — предложила Гюльбахар.

— Брат будет беспокоиться обо мне.

— Карача! — тут же кликнула служанку Зейнаб. — Позови Ибрагима.

Евнух немедленно появился и застыл на пороге комнаты черной горой. Выслушав девушек, он сказал:

— Пусть госпожа остается. Я отправлю Эмре предупредить ее брата.

— Но на улице льет дождь!

— Ничего, Эмре не размокнет, — коротко произнес Ибрагим.

Полная воодушевления Зейнаб тут же приказала служанками принести еще кофе, чтобы погладить на кофейной гуще. На ковре переплелись густые узорчатые тени. Из сада долетал аромат цветов, которые из-за дождя пахли еще сильнее. Недавно народившаяся луна робко светила в случайно образовавшееся в тучах «окошко», а четыре склонившиеся над кофейными чашками девушки пытались приоткрыть дверцу в будущее.

Айше не подозревала, что буквально в нескольких шагах от комнаты, в которой она сейчас находилась, решалась ее судьба. Энвер зашел в отцовский кабинет якобы затем, чтобы обсудить государственные дела, втайне надеясь перевести разговор на свою женитьбу. Ахмед эфенди еще не касался этой темы, вероятно, полагая, что для начала сыну надо освоиться на службе.

— Садись, — сказал мужчина, указав на диван, за которым располагались ниши с аккуратно сложенными перьями, чернилами, бумагами и книгами. — О чем ты хотел поговорить?

— О своей службе. Не слишком приятно существовать меж бесчисленной грызни и свар.

Ахмед эфенди пожал плечами.

— Хочешь быть честным, останешься нищим. Восхождение на престол нового султана всегда ознаменовано периодом беззакония, когда амбиции и зависть тех, кто прежде был вынужден демонстрировать преданность и послушание, расцветают буйным цветом.

Энвер нахмурился.

— Мустафа IV ведет себя так, будто его предшественник не оставил ему ровным счетом ничего.

— Так поступают все султаны. Каждый сознает свое исключительное величие и важность.

— «Правители будут следовать за мной, подчиняйтесь им» — таковы слова Пророка. Но на деле все происходит иначе.

Ахмед эфенди усмехнулся.

— Наша вера — хороший помощник в борьбе с переменами, в том числе и с теми, какие можно назвать положительными. Пусть говорят, что Коран — ниспосланный Аллахом закон: словесные выкрутасы улемов[1] способны повернуть куда надо даже его. Не волнуйся, ты привыкнешь. Я тоже был молод, горяч и грезил о справедливости. Ждал, когда все правоверные сложат свои грехи к ногам Аллаха. Но так и не дождался.

— Вы женились в молодые годы, — Энвер попытался зацепиться хотя бы за что-то. — Вы сами выбрали в жены... мою мать?

Ахмед эфенди лениво прищурил глаза. В его голосе явственно звучало равнодушие:

— Мой отец был умным человеком, поэтому подыскал для меня красивую и родовитую девушку.

«А потом, когда красота жены стала уступать времени, ты купил трех юных наложниц, наплевав на ее чувства», — произнес про себя Энвер.

— Сближение наших семей было выгодно и той, и другой стороне, — продолжил Ахмед эфенди. — Хотя я, конечно, не говорю, что женитьба должна исключать удовольствия. — Внимательно посмотрев на сына, мужчина проницательно хмыкнул. — К чему этот разговор? Тебя обуревают плотские желания? Так иди и развлекись на славу, только переоденься в простую одежду, чтобы тебя не узнали, и возьми с собой охрану.

В Стамбуле хватало проституток. Как правило, это были не мусульманки. Иные даже приезжали «на заработки» из других стран. Та же Галата[2] славилась, как гнездо разврата. Продажные женщины слетались сюда, как мухи на мед.

— Нет, — твердо произнес Энвер. — Мне нравится одна турчанка.

— Кто она? Из какой семьи, какого рода?

— Она очень добродетельна, умна и красива, — уклончиво ответил молодой человек.

— Этого мало. Ты женишься только тогда, когда продвнешься по службе. А еще мне надо знать, кто ее родители, имеется ли у нее приданое.

— Но ведь у нас есть деньги! Вы сами говорили, что за последнее время наше состояние значительно возросло.

— Денег никогда не бывает много. Зачастую богатство семьи способно заменить знатность, не говоря уже об образовании. Взять хотя бы Мустафу Байрактара: кто сейчас осмелится вспомнить, что это всего лишь неграмотный сын янычара!

Поскольку Энвер завел с Айнуrom разговор о своей женитьбе тоже с Байрактара, он решил, что Аллах дает ему знак. Пора заканчивать диалог с отцом: это бесполезно. Не стоит упоминать имени Айше и тем более заикаться о любви! Устои Османской империи всегда были гранитной стеной, о которую разбивались человеческие чувства. И все же он не смог удержаться, чтобы не сказать:

— Неужели я не могу сам выбрать себе жену!

— Нет.

— Это несправедливо!

Взгляд Ахмеда эфенди сделался острым.

— К сожалению, тебя нельзя назвать послушным сыном.

— Почему? Я всегда следовал вашей воле, — произнес Энвер, и в его голосе прозвучала горечь.

— Но твои высказывания, а стало быть, и мысли, несут оттенок непокорности.

— И все-таки я ваш единственный ребенок!

И тут Ахмед эфенди произнес нечто неожиданное:

— Одна из моих наложниц беременна. Другие женщины пока не знают об этом, потому что из зависти способны ей навредить. Надеюсь, она подарит мне сына, которого я смогу воспитать более послушным и дальновидным, чем ты.

Энвер понял: отец отказался от Гюнай, откажется и от него. Судя по всему, в свои сорок пять он надеялся начать все заново. При мысли о том, что у него появится маленький брат, сердце юноши сковал странный холод. И вовсе не потому, что он привык быть единственным. Просто ему вдруг почудилось, что его жизнь собирается прожить кто-то другой. Энвер сказал себе, что если ему и удастся сохранить расположение и покровительство отца, то лишь благодаря слепой покорности. Он решил вернуться к себе и спокойно обдумать ситуацию.

Прощаясь с отцом до утренней молитвы, Энвер промолвил:

— Сбежавшую девушку все еще ищут?

— И будут искать, пока не найдут. Я утроил вознаграждение.

— Это дань мести?

— Это дело чести.

— И что ее ждет?

— Дно Босфора, — отрезал Ахмед эфенди.

[1] Улемы — высшее мусульманское духовенство.

[2] Район Стамбула.

Глава восемнадцатая

Эмре брел, как в кошмарном сне; ему казалось, что ноги двигаются не вперед, а назад, а почва под ногами проваливается, увлекая его в бездну. Послав помощника с поручением в такую погоду, Ибрагим проявил известную жестокость, но молодой евнух знал, что тот имеет на это право.

Айнур беспокоился за сестру. Он несколько раз порывался идти за ней, однако ливень не прекращался. Наконец он твердо решил пойти и принялся одеваться, как вдруг услышал стук в ворота. Хотя любое внезапное вторжение неизменно вызывало в нем страх, молодой человек все же решил открыть. На улице стоял Эмре, насквозь промокший, поникший и жалкий.

— Входи! — поспешно произнес Айнур. — Что-то случилось?

Эмре объяснил, и юноша успокоился. То, что сестра заночевала у своих подруг, не выходило за рамки приличия.

— Ты замерз. Хочешь горячего кофе?

Айнур никогда толком не знал, как разговаривать с евнухами. Как и многие, не лишённые своего естества мужчины, он испытывал к ним странный болезненный интерес и толику презрения. Эмре поклонился.

— Благодарю, господин. Мне надо поскорее доложить, что я выполнил поручение.

— Ты весь промок. Я могу дать тебе сухую одежду.

— Мне все равно придется возвращаться под дождем.

— Что ж, спасибо тебе, — с некоторой растерянностью произнес Айнур.

Он вспомнил известную поговорку: «Порочная и низкая душа редко обитает в человеке, чье лицо открыто и невинно». И ему стало жаль этого человека. Айнур подумал, не предложить ли евнуху деньги, но почему-то не решился это сделать.

Закрыв за ним дверь, Айнур услышал позади себя шорох. Он обернулся — на пороге стояла Ханар. Ханар, к чьим шагам он постоянно прислушивался, чей запах пытался уловить. Чьему голосу внимал, словно волшебной музыке, чей взгляд был для него ярче сияния звезд. Чей естественный, как сама природа, облик неизменно вызывал в нем смятение мыслей и чувств. Айнур привык слышать, что женщин, особенно невежественных и простых, всегда ослепляет внешний блеск, но курдянка была совершенно иной. Если она кого-то и выберет, то только сердцем.

— Зачем он приходил? — спросила девушка.

— Передать, что из-за непогоды моя сестра остается ночевать в гареме Ахмеда эфенди, — хмуро произнес Айнур.

Они помолчали.

— Все так запутано, правда? — сказала Ханар.

Юноша тяжело вздохнул.

— Да.

— Тебе удалось что-то узнать о караване?

— Немного. Все начинают задавать вопросы, на которые я не решаюсь ответить. Кем тебя представить, как объяснить, куда и зачем ты направляешься? Я не уверен в том, что пока я беседую с караванщиками, рядом не толкнутся соглядатаи Ахмеда эфенди. И еще... я боюсь за тебя! По известным причинам у меня нет возможности тебя сопровождать, и я не могу допустить, чтобы ты ехала одна! А если в дороге встретятся мужчины, которые...

— Я слышала твой разговор с сестрой, — сказала Ханар. — К сожалению, Айше права. Со мной может случиться все что угодно. Но я не боюсь. Судьба научила меня жить одним днем и использовать все возможности, какие способен дать этот день. Меня много раз спрашивали,

правда ли, что наши женщины сами выбирают себе мужчин, и теперь я могу доказать, что это так. Я сделала выбор, и знаю, что этот человек отвечает мне взаимностью.

Юноша затаил дыхание.

— Кто же это?

— Тебе известен ответ. Это ты.

Даже в самых смелых мечтах Айнур не думал, что такое возможно.

— Почему?! — потрясенно прошептал он.

— Я не хочу, чтобы это был Ахмед эфенди или еще какой-то мужчина! Я знаю, что меня могут схватить и вернуть в гарем или изнасиловать по дороге! Потому я выбираю тебя.

Теперь молодой человек смотрел на курдянку не только с вожделением, но и с грустью.

— Только поэтому?

— Нет. Твой взгляд запомнился мне, он проник в мою душу, и там родилось что-то незнакомое для меня.

У Айнура пересохло в горле.

— Любовь?

Ханар задумалась.

— Любовь — это то, что в легендах и песнях. В нашем племени говорят, что мужчина и женщина сходятся, чтобы вместе жить, работать, растить детей.

— Я тоже с великой радостью сошелся бы с тобой ради того, о чем ты говоришь.

Во взгляде Ханар читалось, что это невозможно. Он не мог вечно прятать ее в своем доме или куда-то уехать вместе с ней.

— Я не лгу, — добавил Айнур. — И я люблю тебя.

Для него это было высшее и не слишком легкое признание. Ханар это почувствовала. Она взяла его за руку и повела за собой. Молодой человек не помнил, как они добрались до отведенной Ханар комнаты, как разделись и легли в постель. Айнур почти потерял себя от смущения и страсти. Он боялся сделать что-то не так и досадовал, что не успел овладеть этой волшебной наукой, наукой любви.

Его ладони медленно, осторожно скользили по телу Ханар. Она казалась Айнуру существом из другого мира. Девушка лежала, не шевелясь, и словно прислушивалась к своим ощущениям. Постепенно ее напряжение растаяло, она обвила юношу гибкими, словно ветки ивы, руками, и тогда все томление последних дней ударило ему в голову. У курдянки была смуглая гладкая кожа, крепкая, дивной формы, словно увенчанная двумя рубинами грудь. Дыхание Ханар с каждой минутой учащалось, и она все яростнее отвечала на поцелуи Айнура. Когда он осмелился коснуться ее потайной пылающей пещеры, она застонала. Курдянка ничего не боялась, она без оглядки принимала его страсть, так что юноша мог усомниться в том, что она девственница, но через несколько мгновений убедился, что он ее первый мужчина.

Любовники словно открыли ворота в рай. Они утоляли желание, с наслаждением постигая тайны собственных тел. Их неожиданно разбуженные фантазии были неиссякаемы, и молодой человек говорил себе, что ему удалось отнять у Ахмеда эфенди истинное сокровище. И пусть Ханар по-прежнему считала, что она никому не принадлежит, Айнур не терял надежды удержать ее при себе.

В это время девушки в гареме, где заночевала Айше, позевывая, устраивались в своих постелях. Они смыли сурьму и румяна, почистили зубы толченым мелом, распустили по плечам пахнущие розовым маслом волосы и облачились в полупрозрачные сорочки. Дабы иметь возможность поболтать друг с другом, они устроились в самой большой комнате гарема. Гюльбахар легла с Белгин, а Зейнаб с Айше. Перед сном девушки долго обсуждали гадание.

Черкешенке, к ее величайшей радости, выпала корона, грузинка разглядела в кофейной гуще на дне своей чашки что-то похожее на поникший цветок. Разочарованная армянка не

смогла распознать ничего в обычном пятне с неровными краями, а турчанке досталось сердце. Наложницы Ахмеда эфенди засыпали Айше шутливыми вопросами. Она влюблена? В кого? У нее есть жених? Девушка с трудом сдержала волнение, могущее выдать ее чувства.

— Может, это облако? — произнесла Белгин, продолжая думать о своем гадании. — Когда прошлым летом мы катались по Босфору, я глядела на облака, воображая, будто это корабли, плывущие в неведомую даль.

— Ты уже приплыла. — Зейнаб жестко рассмеялась. — Твоя гавань здесь, и тебе не суждено ничего другого.

— Я так часто слышу эти слова, что мне кажется, будто они впечатаны в мое сердце! — печально произнесла армянка.

— Я беспокоюсь за Эмре, — заметила Айше, желая перевести разговор на что-то другое, ибо ей не нравилась манера черкешенки постоянно кого-то задевать. — Вдруг он простудится и заболит?

— Ибрагим позаботится о нем, — сказала Белгин. — Помните, мы говорили о том, что старший евнух предан господину, как никому другому? Я знаю человека, который дорог ему гораздо больше. Это Эмре.

Зейнаб приподнялась на постели. Ее сапфировые глаза ярко сверкали в темноте.

— Ты права. Эмре! Вот кто это был! А я-то считала тебя самой глупой из нас!

Глава девятнадцатая

Ханар проснулась первой. Проникавшие сквозь узорчатую оконную решетку солнечные лучи усыпали пол густыми золотыми пятнами. После дождя в саду распустилось множество цветов, и все вокруг казалось обновленным. В том числе и ее жизнь. Курдянка не солгала — ей действительно нравился Айнур. И если до сего момента она не решалась назвать это чем-то большим, то лишь потому, что просто не представляла, как в ее жизни может случиться что-то важнее любви к родному краю.

Ханар понимала, что Айнур тоже обожает свой город, заключенный в объятия моря. Недаром он говорил, что только Стамбул достоин стать столицей мира, и девушка понимала, что такое мнение продиктовано не только врожденной османской гордостью. Он с детства видел каскады домов на холмах с их нависающими над улицами верандами, увитыми виноградом террасами и красными крышами. Взирает на взмывавшие ввысь кипарисы, гордо плывущие корабли и шумные толпы народа.

Тогда как она выросла на открытом пространстве, равном сотням майданов[1] любого османского города, где нет ничего выше курдских шатров, корабли заменяют несомые ветром облака, а кругом царит звенящая тишина. Он жил в городе, где все строят и строят — дворцы, мечети, дома, а она пребывала в мире, где никто не стремился увековечить следы своего пребывания на земле. Она была свободной и шла навстречу ветру, тогда как он был прочно привязан к одному месту.

Пока Ханар размышляла, Айнур проснулся, и из его глаз хлынул поток света, света любви и счастья. Он протянул к девушке руки, но она отстранилась. Молодой человек взмолился:

— Прошу, иди ко мне!

— Скоро вернется твоя сестра. Она нас не поймет. Нас никто не поймет.

— Айше не догадается. Она просто не может такого представить, — сказал Айнур и тихо добавил: — Вчера и я не мог.

Внезапно взгляд Ханар сделался колючим.

— Только не думай, что я...

— Отныне твой господин? Нет, — с долей грусти произнес он.

Последующие полчаса они провели в объятиях друг друга. В их телах таилось нечто такое, о чем они прежде не догадывались, они двигались от одного открытия к другому. Молодому человеку казалось, будто между ними, в них самих и вокруг взметнулось высокое пламя. Когда он ощущал дыхание Ханар, касался ее волос, ему чудилось, будто он слышит колыхание степных трав и тонет в них. А курдянка, наконец осознала, что повстречала мужчину, который сумел ее покорить, сделать страстной и нежной. У нее впервые промелькнула мысль, что с ним она может быть счастлива даже вдали от родины.

Когда все закончилось, Ханар заметила, как взгляд Айнура заволокла тревога.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— Я схожу с ума от мысли, что не способен тебя защитить, что рано или поздно нам придется расстаться!

Ханар встrepенулась.

— Уедем вместе?

Хотя Айнур несказанно обрадовался тому, что она хочет быть с ним, его ответ прозвучал печально:

— Я не могу. Как я оставлю сестру? Как ни с того ни с сего брошу службу? У Ахмеда эфенди могут возникнуть подозрения. У него деньги, связи, у меня — ничего. Я погублю тебя, себя и самого невинного в этой истории человека — Айше.

— Все слишком запутано, — повторила Ханар уже однажды произнесенную фразу.

— Да, так и есть.

Айнур знал, что в обществе слишком многое решают тщеславие, зависть и страх. Страх мешает людям совершать поступки, которые могли бы сделать их по-настоящему счастливыми, потому они ненавидят тех, кому все-таки удалось обрести это счастье. Они боятся, что их в чем-то обвинят, схватят, бросят в тюрьму, но при этом охотно совершают доносы и с удовольствием посещают публичные казни. Айнур чувствовал: несмотря на то, через что ей пришлось пройти, Ханар неведома истинная жестокость этого мира. Впрочем, возможно, она была неведома и ему...

Первой домой вернулась не Айше, а служанка Фериде. К тому времени любовники были одеты и чинно сидели друг против друга, поедая лепешки и запивая их айраном (Ханар не умела варить кофе). Их мог выдать только румянец на щеках и лихорадочный блеск в глазах. Увидев незнакомую женщину, Фериде озадаченно остановилась на пороге. Служанка была одета так, как обычно одеваются сельские женщины: в шаровары, длинную полотняную рубаху, платок и сыромятную обувь. К счастью, она не отличалась ни большим умом, ни чрезмерным любопытством. Когда Айнур обернулся, она низко поклонилась.

— Здравствуй, Фериде. Как прошли похороны твоего отца?

— Благодарение Аллаху, все было достойно.

— Это Ханар, наша дальняя родственница, — произнес молодой человек, стараясь держаться естественно, и сразу заметил, как в глубине взгляда Фериде промелькнула тень недоверия.

Даже неграмотная служанка сразу увидела и почувствовала, что между этой девушкой и членами семьи покойного Юсуфа Хамида эфенди не может быть никакого родства.

— Я... прошу тебя никому о ней не говорить, — неловко добавил Айнур.

— Хорошо, господин.

Вновь поклонившись, Фериде прошла на кухню, чтобы приступить к своим обязанностям.

Айше появилась после полуденной молитвы. Она была поглощена чем-то своим, поэтому не заметила никаких изменений в поведении брата и курдянки. Многие дни она усилием воли заставляла себя терпеть эту девушку в доме и незаметно для себя постепенно привыкла к ее присутствию. Хотя и не смогла с этим смириться.

Войдя в гарем, чего после смерти матери он ни разу не делал, Энвер велел позвать Ибрагима. Черный евнух вышел к нему с видом истинного правителя своего маленького царства.

— Чем могу служить молодому господину? — с поклоном произнес он.

— Я хочу поговорить с тобой наедине и строго по секрету.

— Я к вашим услугам. Где вы желаете уединиться?

— Я спешу. Так что лучше побеседуем прямо здесь. Если, — Энвер оглянулся, — поблизости никого нет.

— Наложницы вашего отца заняты туалетом в своих комнатах, служанки находятся там же. Эмре я отправил в город с поручением.

— Хорошо. Ибрагим, — молодой человек сделал тяжелую паузу, — вчера отец сообщил мне новость, оказавшуюся крайне неприятной для меня. Я понимаю, все это естественно, и тем не менее... Ты знаешь меня с детства, и ты, — он слегка запнулся, — знал мою мать. Возможно, ты сумеешь меня понять. Одна из наложниц Ахмеда эфенди ждет ребенка. Мне бы хотелось знать, кто именно, — не сдержавшись, Энвер горько усмехнулся, — станет моей мачехой.

Наступила пауза, столь напряженная и звенящая, что она показалась и тому и другому невыносимее душераздирающего шума.

— Откуда вам это известно? — подозрительно тихо произнес Ибрагим.

— Отец сам сказал мне вчера, прибавив, что велел наложнице молчать об этом. Но, полагаю, для тебя это не новость?

— До сего момента я ничего не знал, — ответил абиссинец, и Энвер поразился тому, как сильно изменилось его обычно бесстрастное, как у сфинкса, лицо.

Приходит час, когда судьба натягивает свою невидимую тетиву. Рано или поздно все оказываются за бортом, не в чести, не у дел. Беременность жен и наложниц была одним из самых важных событий в гареме. И не кто иной, как главный евнух всегда первым сообщал об этом господину, за чем следовали словесные благодарности и щедрые дары. Ибрагим задумался об услышанном. Значит, Ахмед эфенди недоволен его службой или перестал ему доверять. А кто та женщина, что осмелилась рассказать о своей беременности господину, минуя уши правителя гарема?! Воистину, когда в дом вошла курдянка, над головой главного евнуха взошла черная звезда и не закатилась даже после ее бегства!

— Я непременно выясню, кто она.

— Ты не выдашь меня отцу? Не расскажешь, о чем я тебя спрашивал?

— Нет, раз он ничего не сказал *мне*, — медленно, словно обдумывая каждое слово, произнес евнух.

— Благодарю тебя. Мне пора идти.

Энвер ушел, а Ибрагим продолжал размышлять. Все годы службы у Ахмеда эфенди (а прежде — у его отца) абиссинец строго следил за тем, что творится в гареме. В этом ему помогали служанки, а потом и Эмре. Не нарушил ли господин очередность посещения наложниц (разумеется, то было его право, но Ибрагим был обязан об этом знать), в каком настроении провела день каждая из девушек, не ссорятся ли они, не обсуждают ли нечто неподобающее?

А еще нет ли у кого-то из них задержки? Ибо главная обязанность каждой женщины — обеспечить господина наследником мужского пола. Ни о чем таком служанки Ибрагиму не докладывали. Их подкупили, они отбились от рук или тут имела место какая-то хитрость?

Жалок тот, чей жребий — неведение. Он подобен слепцу или человеку, бредущему в кромешной тьме, но это подсказывает ему, что он должен действовать осторожно. Ибрагим решил все хорошенько обдумать и ни о чем не судить сгоряча. Недаром он всю жизнь прослужил в гареме, а любой, даже самый маленький гарем — мир крайностей, средоточие страстей, интриг и тайной войны.

Когда Ибрагим шагнул в дверной проем, стоявшая в углу девушка буквально вжалась в стену, и погруженный в свои мысли евнух ее не заметил. Зейнаб шла к старшему евнуху, чтобы пожаловаться на служанку, не первый раз подававшую для омовения плохо подогретую воду, когда услышала его разговор с Энвером. На свой страх и риск, она затаилась, и ей удалось уловить почти все.

Черкешенка чувствовала, что у нее подгибаются колени и дрожат руки. Одна из наложниц беременна, и это держится втайне от всех, даже от главного евнуха! Зейнаб знала, что речь идет не о ней. Тогда о ком? Кроме нее в гареме было только две наложницы. Какая из них скрывала столь важную новость? И Гюльбахар, и Белгин вели себя как всегда. Грузинка выглядела сосредоточенной и серьезной, а армянка грустила и витала в облаках. Ни та, ни другая ни на что не жаловались, ели обычную пищу, не толстели и не худели.

Или она ничего не заметила, потому что ни о чем не подозревала? Черкешенка прикусила губу. Что же делать? Родить первой, произвести на свет мальчика — главный козырь в борьбе за место под солнцем. Может пройти не одна неделя и даже месяц, пока она, Зейнаб, сумеет зачать, и та, что уже носит ребенка от Ахмеда эфенди, все равно окажется в выигрыше. Господин наверняка женится на ней! И если даже не женится, две другие обительницы гарема навсегда останутся на вторых ролях.

Вспомнив корону, которую ей посулило гадание, черкешенка расправила плечи, и ее синие очи засверкали холодным пламенем. Эта загадка будет попроще первой (о том, кто

помог Ханар сбежать из гарема), ибо подозреваемых всего двое и долго скрывать беременность попросту невозможно.

За завтраком Зейнаб не спускала с них глаз, гадая, кто сумел ее обскакать. Гюльбахар ела медленно, как бы с неохотой, но так бывало и раньше. Грудь Белгин выдавалась под платьем, но армянка всегда была полногрудой. Кто бы из них ни носил ребенка Ахмеда эфенди, черкешенка находила это несправедливым. Она одна отдавалась ему с истинной страстью, с готовностью выполняла все его желания! Грузинка просто покорялась господину, а армянка вообще шла к нему как на заклятие. Выходит, она, Зейнаб, только зря старалась: перст Аллаха указал не на нее.

— Я все думаю о том гадании, — начала черкешенка, кладя в рот крупную, как слива, оливку и тут же подхватывая артишок. — Корона выпала мне, и она достанется мне! Я стану новой женой господина.

Она делала вид, что занята едой, но на самом деле зорко наблюдала за соперницами.

— Ты так сильно этого хочешь? — промолвила Гюльбахар.

Зейнаб высоко подняла голову, словно ее украшала та самая воображаемая корона.

— Я этого достойна. Я, единственная из вас, родилась мусульманкой и попала в гарем по собственной воле!

— Не представляю, как это возможно, — сказала Белгин.

— Возможно! Меня бы ждала жизнь в горах, в каменной сакле, где зимой, когда подует ветер со снегом, можно промерзнуть до костей. В лучшем случае меня взял бы замуж вдовец с кучей детей — ведь мои родители не могли дать за мной равным счетом ничего. Но я не собиралась так глупо распоряжаться своей красотой, а потому, когда в селение пришли османы и предложили нашим мужчинам продать своих дочерей, пообещав, что девушки попадут в гаремы богатых турок, я не стала раздумывать и дала отцу согласие.

— Ты смогла так просто покинуть дом и родителей?!

— Да что ждало меня там? — раздраженно проговорила Зейнаб. — У меня была куча младших братьев и сестер, которых приходилось нянчить, мои руки потрескались от бесконечной стирки, а волосы пропахли дымом очага. Мои труды не вознаграждались ничем.

— А я часто думаю о родине, — вздохнула армянка. — Наше селение окружало кольцо садов и виноградников, спускавшихся по склонам гор. Внизу текла река; с высоты она казалась жемчужной нитью, сверкающей под лучами солнца. Я думала, что никогда не покину Армению, но потом на наше селение напали османы. Тех, кто пытался сопротивляться, убивали, а трупы сбрасывали в воду, и прозрачная река превратилась в кровавый поток. Мои родители и брат погибли, а меня взяли в плен, привели в Стамбул и отправили на невольничий рынок. Мне велели сменить веру и дали другое имя, а потом меня купил Ахмед эфенди. — Белгин помолчала, словно обдумывая сказанное, а после добавила: — С тех пор, как все это случилось, в моей душе поселился страх и никак не желает уходить. Тогда я впервые узрела красную воду и черное солнце. Увидела разрушенные церкви, горы мертвых тел и караваны награбленного. Оттого я сочувствовала Ханар, которую тоже увезли с родины силой, и завидовала ей, потому что она оказалась такой храброй.

— Вот возьму и расскажу, что ты сочувствуешь дикарке! — сказала Зейнаб. — Может, это ты помогла ей бежать?

— Ты только и знаешь, что наусничать, — вдруг произнесла Гюльбахар. — Воображаешь себя невесть кем, тогда как по происхождению ты ничуть не выше Ханар.

— Можно подумать, ты принцесса! — огрызнулась черкешенка. — Или у тебя появился повод считать себя ею?!

— Ты никогда не рассказывала, как очутилась в Стамбуле, — заметила Белгин, обращаясь к Гюльбахар.

— Я не хочу об этом вспоминать, — тихо ответила грузинка.

Девушки не смогли продолжить разговор: в комнату вошел Ибрагим. Его взгляд был мрачнее тучи и тяжелее камня.

— Вы что, ссоритесь? Почему у вас с утра грустные лица и тусклые глаза? Немедленно приведите себя в порядок и выходите в сад.

Он произнес это таким тоном, что наложницы тут же повиновались. Служанки убрали блюда с молочными кушаньями и овощами, подносы со сладостями и фруктами. Все это осталось почти нетронутым, и это говорило о том, что с девушками и между ними далеко не все ладно.

[1] Базарная площадь на Востоке.

Глава двадцатая

Айну́р приближался к дому Ахме́да эфе́нди по извилистым улочкам, утопающим в бело-розовой пене цветущих деревьев. Ему казалось, что в мире нет другого города, который так упорно, иногда медленно и плавно, а порой стремительно и круто взбирался бы на холмы. Или, напротив, срывался к водам пролива, противоположный берег которого по утрам был затянут невесомой дымкой, а вечерами сверкал россыпью огней.

Молодой человек вошел в кабинет, не чуя под собой ног, с полным смятением в мыслях. Его лицо пылало, а дыхание предательски срывалось. Айну́р не боялся, просто вопреки всем доводам разума, юношу охватил стыд. Его отец, Юсу́ф Ха́мид эфе́нди, много рассуждал о чести правоверного, о его ответственности за свои поступки. А еще он говорил, что каждый человек обязан и вынужден платить за дары Алла́ха, даже те, которые могут показаться ничтожными, и платить достойной монетой. Внезапно Айну́р подумал о себе, как о жалком существе без совести и чести. Он укрыл чужую наложницу, а потом овладел ею, своим поступком поставив под угрозу как свою жизнь, так и судьбу сестры.

— Ты опоздал; вероятно, из-за вчерашнего дождя, — довольно равнодушно произнес Ахмед эфе́нди. К счастью, он смотрел в бумаги, а не на Айну́ра. — Но все равно за эти дни я сложил о тебе мнение, как о смышленном, исполнительном и честном молодом человеке. Я готов замолвить за тебя словечко во дворце.

Подняв взгляд, он заметил, как Айну́р кусает губы, переминается с ноги на ногу, увидел краску в его лице, но приписал это только что сделанному сообщению.

— Надеюсь, ты рад?

— Конечно. Благодарю вас, господин, — выдавил молодой человек, охваченный противоречивыми чувствами.

— Если тебе назначат аудиенцию, я предупрежу заранее. И, разумеется, пойду вместе с тобой.

— А как же то... в чем обвиняют моего отца?

— В руках Алла́ха весы судьбы, и мы никогда не знаем, какая чаша перевесит, — многозначительно произнес Ахмед эфе́нди. — А теперь давай займемся делами.

Вечером Айну́р был чрезвычайно разговорчив и старался уделять одинаковое внимание обеим девушкам. Они сидели напротив него, а Фери́де подавала еду. Айше втайне злилась и огорчалась оттого, что они совершают трапезу словно одна семья. Они с Айну́ром ели вместе, потому что были братом и сестрой, к тому же остались одни в доме, тогда как обычно мужчины и женщины в благородных семьях питаются отдельно. Ханар, казалось, ничего не волновало. Она всецело сосредоточилась на фаршированных баклажанах, поданных с соусом из йогурта и чеснока, запеченных устрицах и овощах. Ей и дела не было до того, что в чужом доме вежливым и приличным считается взять щепотку-другую каждого кушанья изящно вытянутыми пальцами, а потом подождать, когда хозяева предложат тебе еще, а не есть сколько влезет.

Глядя на это, Айше сказала себе, что своими неразумными действиями брат не только отяготил свою совесть, но и посадил курдюнку себе на шею. Конечно, как истинная мусульманка, Айше была обязана делиться пищей с любым страждущим, но Ханар вызывала в ней такое раздражение, что девушка ничего не могла с собой поделать.

Минула вечерняя молитва. Все разошлись по своим комнатам. Айну́р лежал, глядя в раскрытое окно, за которым виднелся кусочек неба с россыпью звезд и раскачивающиеся ветки деревьев.

Прошлой ночью он познал, что такое страсть, и она его не покинула. Молодой человек гадал, что чувствует Ханар: быть может, она крепко спит или тоже изнывает от телесной тоски?

За ужином он старался показать, что не испытывает к ней особых чувств, но курдянке куда лучше удалось изобразить равнодушие. Когда время перевалило за полночь, Айнур понял, что не выдержит. Если на свете и существовало что-то сильнее его желания, то он не знал названия этому. Выйдя с мужской половины, он прокрался в гарем. Там было тихо. Если Айше проснется и увидит его, он скажет, будто ему что-то послышалось и он решил проверить, все ли в порядке в доме. То же самое он соврет Фериде.

Айнур был не просто влюблен, а одержим. Неистовое стремление вновь заключить Ханар в объятия сметало все остальные чувства, сжимало горло, накрывало его с головой. Белый глаз луны пристально глядел в окно, но сейчас молодому человеку не было дела ни до небесных светил, ни до чего-то другого, созданного Аллахом, кроме того, что родилось еще в древние времена, когда едва появились люди, а возможно, и еще раньше.

Ханар спала или притворялась, что спит. Айнур вошел к ней, не боясь, что она испугается. Истинная природа той силы, что влекла его к ней, того голоса, что взывал из глубины его существа, едва ли была до конца понятна ему самому. Но он верил в то, что она покорится этой силе и откликнется на этот зов. Когда он просунул руку ей под спину, она встрепенулась. Айнур приподнял Ханар, поймал своими губами губы девушки, прижал ее к себе.

У нее вырвался сдавленный шепот:

— Не здесь! Рядом Айше и служанка!

— Они спят.

— Нет!

Она была сильной и вывернулась, вырвалась из его объятий, тогда он упал на колени, вновь обхватил ее и уткнулся лицом в ее женское естество.

— Тогда ко мне. Умоляю! Просто так я не уйду!

Ханар позволила подхватить себя на руки, и Айнур понес ее навстречу мраку, звездам, луне и неописуемому блаженству.

Айше проснулась среди ночи. Ее потревожили отголоски чего-то странного, то ли неясного шума, похожего на борьбу, то ли каких-то разговоров. С тех пор, как умер отец, она все время боялась, что в дом кто-то заберется. Аллах запретил вино, но янычарам и ямакам даже Всевышний не указ! Напившись где-нибудь в галатских тавернах, они способны разгромить любое жилище, тем более, если поймут, что там нет охраны.

В гареме было тихо, но девушка решила обойти все комнаты. Фериде спала, а постель Ханар оказалась пуста. Где бродит курдянка? Может, отправилась в сад, откуда тянуло прохладным ночным воздухом и запахом цветов? Айше вышла на балкон и глянула вниз. Никого. Только причудливо переплетенные узоры темных теней и серебристые лунные блики. Тогда она вернулась в комнаты.

Босые ноги Айше бесшумно скользили по коврам. Стены были залиты лунным светом, а провалы ниш (большой частью пустых, так как при аресте отца были изъяты все его бумаги и книги) зловеще чернели. Девушке чудилось, будто комнаты наполняет нечто неведомое, потустороннее. Мало ли злых духов способно бродить там, где жил невинно убиенный человек!

На всякий случай Айше решила разбудить брата. Она вошла на мужскую половину в надежде избавиться от страхов и обрести спокойствие, но вместо этого дурные предчувствия усилились. Полупрозрачные занавески, загораживающие вход в комнату Айнура, тихо колыхались. Слышалось чье-то шумное дыхание. Чувствуя, что увидит нечто не просто неожиданное, а страшное, девушка осторожно заглянула в комнату брата.

Она увидела его постель. Там было два сплетенных между собой обнаженных тела, и они двигались в столь страстном ритме, что Айше отпрянула и, в ужасе закрыв лицо, бросилась назад, спотыкаясь, натываясь на стены. Любовники ничего не заметили, им было не до нее.

Вернувшись к себе, она упала на ложе. Ее сердце бешено билось в груди, а разум был объят настоящим хаосом. Как всякая османская девушка, выросшая в гареме, под строгим

надзором, Айше мало что знала о тайнах пола. Если ей и хотелось в них проникнуть, то только не так, словно бросившись с обрыва на острые камни, точно упав в яму, полную нечистот! Лежа без сна и в слезах, она вспоминала своего брата, когда он, будучи еще маленьким, крепко упираясь в землю босыми ногами, сосредоточенно натягивал детский лук, а она неподалеку играла в куклы.

Потом Айше начала превращаться в девушку, и Айнур, случалось, подшучивал над ней, но всегда беззлобно. Брат никогда не относился к ней с пренебрежением и не обделял вниманием. И ему, и ей казалось чудом, что они зародились в одной утробе, утробе своей матери. Они всегда помнили о том, что были вместе не только с самого первого мгновения своей жизни, а даже еще не явившись на свет. Но сейчас Айше думала о том, что все рухнуло и прежние отношения с Айнуrom никогда не вернутся.

Любовники успели разойтись по своим комнатам, пока, как они полагали, никто ничего не заметил, а утром как ни в чем не бывало встретились за завтраком. Айнур незаметно сплел свои пальцы с пальцами Ханар. В нем еще бурлили отголоски ночной страсти. Когда в комнату вошла служанка, он быстро убрал руку.

— А где Айше? Почему не выходит?

С некоторых пор все женщины, как и положено, совершали утреннюю молитву на своей половине. Их уединению с сестрой пришел конец. Фериде поклонилась.

— Госпожа вроде как заболела.

Айнур встревожился.

— Что с ней? Сейчас я ее провожаю.

Он направился в гарем уверенным шагом хозяина дома. Мужчины. Когда Айнур вошел в комнату Айше, девушка отвернулась к стене, потому что не смела смотреть брату в глаза. Она не знала, что сказать и кого винить. Курдянка отдалась чужому мужчине! Наверняка это произошло не впервые; возможно, она спит с Айнуrom с тех самых пор, как переступила этот порог!

— Ты заболела? — спросил молодой человек.

— Мне нехорошо, но это не то, что ты думаешь, — глухо произнесла Айше.

— Тогда что с тобой?!

— Мне приснился отец. Мне кажется, всех нас ждут большие несчастья.

— Он что-то сказал тебе?

— Нет, но я уверена, что его душа не находит покоя.

— Из-за того, что происходит в стране?

Айше промолвила после многозначительной паузы:

— Прежде всего из-за нас.

— Но с нами пока не случилось ничего плохого.

— В нашей жизни произошло много неожиданных и неприятных перемен, — натянуто произнесла девушка.

— Каких? Ахмед эфенди обещал похлопотать за меня во дворце. Возможно, я получу какое-нибудь место. Ходят слухи, что кое-кто хочет освободить султана Селима и восстановить его правление. Я бы мог послужить этому делу. Что касается тебя... Если Энвер все же посватается к тебе, я дам свое согласие. Хотя это не та семья, с коей я бы мечтал породниться, для меня главное то, чего желаешь ты.

Айше наконец повернула к нему лицо. Оно было пунцовым, а глаза полны такой муки, что молодой человек невольно отпрянул. А ее словно прорвало. Уж своим-то желаниям брат потакал сполна!

— Ты привел в дом курдянку, сказав, что отправишь ее на родину, но, похоже, она останется тут навсегда. Вернее, до той поры, пока ее не найдут, а тебя не бросят в тюрьму! Ты

садишься есть со мной, потому что я твоя сестра, и мы всегда были очень близки друг другу, но почему ты ведешь себя так же по отношению к ней?! Потому что она не знает приличий? Похоже, ты вообразил, что она твоя наложница или даже жена! Ты потерял голову, утратил чувство собственного достоинства, позабыл все заповеди Аллаха!

Вспыхнув до корней волос, Айнур резко отпрянул, а после выбежал, почти что выскочил из комнаты, будто нашкодивший мальчишка. Айше осталась лежать с лихорадочно бьющимся сердцем и мыслями, несущимися, словно облака в бурю, и вместе с тем странно обрадованная тем, что ей удалось высказать все, что накопилось в душе. Потом она вспомнила, что сказал ее брат об Энвере. Значит, у нее есть надежда стать его женой. Девушка прижала ладони к груди, и ей почудилось, будто внутри расцветает благоуханный, нежный, яркий цветок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.